

Наталья Солнцева

Убийство в пятом варианте

Annotation

«Если бы люди понимали, в чем причина их любви, в чем причина их ненависти. Скольких ошибок удалось бы избежать, сколько жизней удалось бы сберечь...»

Директор глянцевого журнала хочет отыскать некую Джейн, которая прислала в редакцию странную рукопись. Он обращается за помощью к Ларисе и Ренату. Казалось бы, простое дело вдруг принимает неожиданный оборот. Расследование переплетается с историей корабля-призрака, затерявшегося во льдах в XVIII веке. Каким образом «Летучий голландец» принес смерть в особняк московского бизнесмена?

Ренат и Лариса помогают людям «вспомнить» свои прежние воплощения. Потому что верят, что жизнь не бег по кругу, а движение по спирали, которая скручивается и однажды выбросит тебя в другое измерение.

Наталья Солнцева

Убийство в пятом варианте

Все события и персонажи вымышлены автором. Все совпадения случайны и непреднамеренны.

Издревле в раю диавол уязвил Адама женщиною...

Иоанн Златоуст

© Солнцева Н., 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

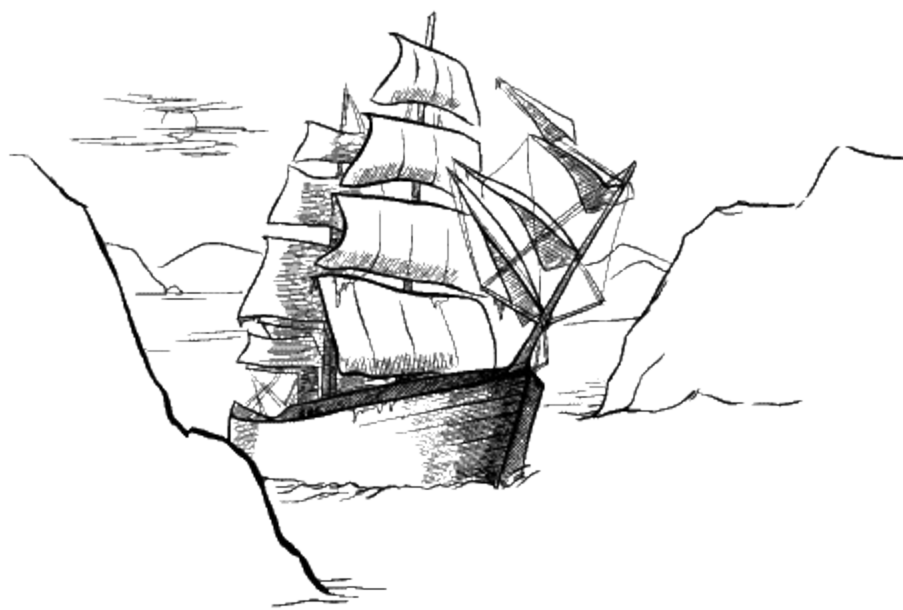
Дорогой читатель!

Книга рождается в тот момент, когда Вы ее открываете. Это и есть акт творения, моего и Вашего.

Жизнь – это тайнопись, которую так интересно разгадывать. Любое событие в ней предопределено. Каждое обстоятельство имеет скрытую причину.

Быть может, на этих страницах Вы узнаете себя. И переживете приключение, после которого Вы не останетесь прежним...

*С любовью, Ваша
Наталья Солнцева*

За столиком в кафе сидели двое. Мужчина и женщина. Одному из них скоро предстояло узнать, каково это – быть кем-то другим. Не владеть собой. Совершать не свои поступки. Испытывать чужие чувства. Переживать чужие страсти.

Мужчина присматривался к своей собеседнице, прикидывал, предлагать ей деньги или нет? Пожалуй, без денег она не станет выполнять его поручение. Обманет. Она ленива и легкомысленна.

Подали коктейли: желтая жидкость с запахом манго и джина, долька лимона на краю бокала, пластмассовая трубочка.

«Гадость, – с улыбкой подумал он. – Я отраву не пью! Зато ей понравится. Она сама чем-то смахивает на этот коктейль. Яркая, душистая и безмозглая! Как раз такая мне и нужна».

– Решайтесь, – сказал он, не притрагиваясь к своему бокалу и наблюдая, как она пьет. – Я дважды предлагать не стану. Собственно, вам почти не придется ничего делать, и при этом вы будете получать бонусы. Заманчиво?

Он назвал сумму, которую готов перечислить на ее карточку, и склонил голову набок, ожидая ответа.

Она молчала, приложившись к трубочке розовыми губами. В ее глазах застыло недоумение.

– Вы мне не верите?

Она пожала плечами, потягивая приторный коктейль. На кону стояла ее судьба, а она даже не подозревала об этом. Дуреха! Радует, что ее угостили дорогим пойлом. Небось, уверена, что любого обведет вокруг пальца. Такие, как она, всегда переоценивают себя.

– Ну, по рукам?

Поколебавшись, она протянула ему узкую ладонь с длинными тонкими пальцами. Ухоженные ногти, гладкая кожа. Она следит за собой, холит свою внешность. Это хорошо. Это ему подходит.

Он скользил по ней оценивающим взглядом. Справится ли она с ролью, которую он ей уготовил? Похоже, да. Ее задача проста до примитивности. Главное – придерживаться данных рекомендаций. Не самовольничать.

Она пила коктейль, не ощущая подвоха. Он еще раз объяснил, что от нее требуется. Она слушала, кивая головой.

– Запомнила? – уточнил он, переходя на «ты». – Смотри, ничего не напутай. Я буду связываться с тобой.

Она не возражала.

– Что ж, мне пора. Ты оставайся, закажи себе чего-нибудь сладкого. За мой счет.

Мужчина встал, положил на столик пару купюр и попрощался. Его коктейль стоял нетронутым. Она допила свою порцию и вздохнула. Чудак какой-то! Есть же странные люди!

Она не знала, чем обернется для нее эта встреча. Какие страшные последствия вызовет невинная просьба незнакомца...

* * *

1775 год, морские воды к западу от Гренландии

Команда китобойного судна «Харальд» пребывала в унынии. Удача отвернулась от них. Должно быть, сыграла свою роль драка в портовом кабаке накануне выхода в море. Капитан счел это дурной приметой и не ошибся.

Они напрасно блуждали в поисках добычи, пока не попали в полный штиль. «Харальд» вынужденно лег в дрейф. Было холодно. Ночью в черной воде отражались звезды. Утром матросы высыпали на палубу. Куда ни кинь взгляд, везде простирались ледовые поля с голубоватыми торосами. Корабельные снасти обросли инеем и угрюмо поблескивали в лучах солнца. Боцман выругался, осыпая проклятиями отсутствие ветра и чертово невезение.

– Мы все тут подохнем! – обдал он капитана запахом дешевого рома.

Тот поморщился, но смолчал. Зубы у боцмана были кривые и желтые от табака, изо рта шел пар.

– Застрянем и вмерзнем в лед, – продолжал тот. – Нам отсюда не выбраться!

– Заткнись, а?

Боцман злобно скривился, поджал губы и отвернулся. Там, куда он смотрел, вдали виднелся высокий берег Гренландии: почти отвесный ледяной обрыв, безмолвный и угрюмый.

На следующий день картина не изменилась. Судно застряло в ледовом плену, боцман гонял матросов, чтобы те не засиживались. Капитан Бьёрн стоял на мостике и разглядывал в подзорную трубу безрадостный ландшафт. Он был женат на дочери пастора, которая подарила ему двоих пухленьких малышей. Мальчика и девочку. Обидно будет никогда больше их не обнять, не прижать к сердцу.

Он выругался покрепче боцмана, тоскливо вздохнул и опустил трубу. Вдруг его внимание привлек стелющийся понизу дымок. Бьёрн чертыхнулся и сообразил, что видит не дым, а сухой снег, сдуваемый со льда ветром.

– Ветер... – выдохнул он.

– Ветер!.. Ветер!.. – закричал боцман и задрал голову. Шум в ряях подтвердил его слова.

– Ветер! – радостно отозвался одноглазый матрос Арне.

Он потерял око в пьяном бою за портовую шляху, которую не поделил со своим

товарищем. Это случилось давно. С тех пор Арне обходил женщин стороной. Не то чтобы он охладил к ним. Просто в той кровавой драке пострадал не только его глаз, но и главный любовный орган.

– Эй, Арне, дружище! – окликнул его боцман. – Кажется, рано замаливать грехи! Еще покуролесим!

Небо быстро затянули свинцовые тучи, начинался шторм. «Харальд» дрогнул и медленно двинулся в проход между ледяных торосов.

– Если нас не сотрет в порошок, то я ставлю команде ящик рома, – пробормотал одноглазый, опасливо косясь на отвесные глыбы льда.

Студеный ветер бил капитану в лицо. Натужно скрипели обледенелые мачты. Деревянный корпус корабля казался легкой скорлупкой, грозящей вот-вот треснуть.

Бьёрн молился, шевеля губами, и вспоминал теплое тело жены, которое было так сладко ласкать в постели. Его Ингрид – самая красивая девушка в поселке. Пастор не хотел отдавать дочь за старого морского волка. Бьёрн терпеливо ждал. Он заваливал невесту подарками, а ее отцу оказывал денежную помощь на ремонт церкви. Наконец придиричивый папаша благословил их брак. Теперь не может натешиться внуками. А Ингрид после родов еще больше похорошела. Раздалась, налилась здоровым румянцем, ее пышная шевелюра едва умещалась под головным чепцом.

Если Бьёрн не вернется из плавания, Ингрид недолго будет вдовой...

Он скрипнул зубами и отрывисто отдал необходимые приказания. По палубе забегали матросы. Боцман что-то кричал, держась за ванты. Его чуть не снесло за борт. Шум ветра превратился в рев, ледяной панцирь с грохотом взламывало, завизжали льдины, наезжая друг на друга, и между торосов показалась темная вода.

«Неужели спасены?» – мелькнуло в голове капитана, и он суеверно сплюнул.

Судно двигалось вперед. Боцман охрип, погоняя команду. Бьёрн поднял воротник и вцепился в поручни. Его брови и борода покрылись инеем.

Шторм освободил парусник из ледяной западни, теперь надо было удержаться на плаву. Остаток дня прошел в тяжелой борьбе команды со стихией. К вечеру буря приутихла, и в разрывах туч показались крупные звезды. Капитан провел на мостике всю ночь, опасаясь столкновения с глыбами льда, которые возникали там и сям, словно призраки из преисподней.

На рассвете помощник принес ему кружку горячей воды с ромом.

– Спускайтесь вниз, капитан. Вам нужно отдохнуть и согреться. Здесь я сам справлюсь.

Бьёрн нерешительно повел плечами.

– Куда это нас занесло?

– Смотрите! Смотрите! – стоя на носу, завопил Арне. Он размахивал руками и чуть ли не подпрыгивал.

– Кит, что ли? – засомневался помощник.

– Даже если так, пусть себе плывет дальше, – вздохнул капитан. – Нам не до него.

Но Арне заметил кое-что другое. На темных волнах покачивалось странное судно. Его борта, мачты и реи покрывал сверкающий лед. На палубе не было ни души. Казалось, кораблем никто не управляет и он дрейфует сам по себе.

Сиплая брань боцмана подтвердила, что одноглазому не померещилось.

– Это не китобой, – сердито заявил он. – Похоже на торговый парусник. Небось, у него полные трюмы какой-нибудь дряни.

– Может, они везут что-то ценное! – возразил Арне.

– Мы не пираты, – осадил его помощник, который подошел и встал за спиной одноглазого.

– Я вижу надпись на его борту, – прохрипел боцман. Он сорвал голос во время шторма и едва мог говорить. – «Септимус»! Кто-то слышал о таком корабле?

– Нет, – нервно отозвался Арне. – У нас в порту его точно не было.

– «Септимус»? – удивленно повторил помощник. – Пойду, доложу капитану.

– Он не слепой! Сам видит! Что делать будем?

Бьёрн уже разглядывал морского странника в подзорную трубу. От этого зрелища пробирала дрожь...

Москва. Наше время

Ренат с Ларисой поселились в Кузьминках, в квартире, арендованной у Вернера. А в соседнем помещении, где раньше был клуб^[1], они решили открыть агентство информационных услуг.

– Отличная идея, – улыбалась Лариса, подбирая мебель для приемной. – И какие услуги ты собираешься предоставлять?

– Не «ты», а «мы».

– Ладно, какие услуги мы собираемся предоставлять? Гадание на кофейной гуще?

– Люди нуждаются в информации разного рода. Полагаю, не обязательно сразу все конкретизировать. Подойдем к проблеме гибко.

– Ты намерен продавать кота в мешке? Услуги ведь будут платными, верно?

– Скромные цены не привлекут солидных клиентов. Говорю тебе как бывший дизайнер. Чем выше тариф, тем больше тебя уважают.

Лариса кивнула и показала ему страничку каталога с диваном и мягкими креслами кофейного цвета, в которых можно было утонуть.

– Мне нравится вот это!

– Выбирай на свой вкус, – милостиво разрешил Ренат. – Я тебе доверяю.

– Спасибо. А как мы назовем наш метод?

– Виртуальный анализ.

– Потрясающе! – захихикала она.

– Зря смеешься. Дадим объяву в Интернете, закажем вывеску, и люди к нам потянутся.

– Не надо вывеску, – возразила Лариса. – Мы просто хотим развлечься. Я не горю желанием торчать в приемной с утра до вечера. Я вообще не верю в успех этого сомнительного предприятия.

– Тем лучше. Разве не интересно претворить в жизнь абсурднейший из проектов?

– Ну... не знаю.

Лариса встала и прошла по пустому залу для медитаций, где полгода назад они с Ренатом слушали Вернера – сперва затаив дыхание, потом с раздражением, а после отважились на смелый эксперимент, который принес неожиданные плоды.

– Здесь слишком много места, – задумчиво молвила она. – Помнишь, как мы учились «удаленному созерцанию» и прочим приколам нашего гуру? Не подозревая, что скоро пойдем по его стопам.

– Мы идем своим путем!

Лариса всплеснула руками и остановилась у кованой курильницы на треноге, которая все еще пахла сандалом.

– Эту штуковину мы оставим на месте. Она будит во мне ностальгические нотки.

– Как скажешь, – покорно кивнул Ренат. – Пусть наши беседы с клиентами сопровождает аромат сандалового дерева.

– Ты фантазер, Михеев. Неужели ты в самом деле считаешь...

– Я уверен! Открою секрет: я уже кинул объявление на парочку форумов. Надеюсь, результат не заставит себя ждать.

Он как в воду глядел. За обедом по указанному в сети номеру позвонил мужчина и пожелал встретиться.

Ренат назвал ему адрес «агентства» и подмигнул Ларисе. Дескать, я оказался на высоте. Сказал, что клиент на подходе, и не оплошал.

– Это проделки Вернера, – усмехнулась она. – Он подцепил тебя на твой же крючок. Вычислил объявление и откликнулся. Подобные фокусы в его духе.

– А я совсем не прочь сыграть с ним очередную партию.

– Берегись, Ренат. Каждый уровень будет на порядок сложнее! Игра идет онлайн, ни один ход нельзя отменить или переделать.

– Да хоть в прямом эфире! Моя любовь к адреналину сильнее страха.

– Ну-ну...

– Можно подумать, ты откажешься рискнуть.

Он встал, с хрустом потянулся и пожаловался на застой в уме. Интеллект требует достойного применения.

– Кажется, ты сама настояла на аренде клуба у Вернера и предложила поселиться в его апартаментах. Для чего мы это сделали, по-твоему?

Лариса промолчала. Она представила человека, который звонил по объявлению. Похоже, это преуспевающий коммерсант. Интересно, что за консультация ему понадобилась? У таких людей обычно полно знакомых, которые «решают вопросы».

– Нечем крыть? – торжествовал Ренат.

Он не догадывался, какой ящик Пандоры откроется на предстоящей встрече...

* * *

1775 год, морские воды к западу от Гренландии

Капитан был прав, когда распекал матросов за потасовку в кабаке. Перед выходом на

промысел это дурная примета. Нынешний поход не заладился. Сначала они застряли во льдах, потом попали в шторм, а сейчас столкнулись с чем-то похлеще ветра и бури.

Китобои были весьма суеверны.

– Что за дьявольщина? – хрипло бранился боцман, заглушая страх. – Еще немного, и его можно брать на абордаж!

Он показывал пальцем на корабль, который медленно приближался к «Харальду».

– Я бы держался от него подальше, – заявил помощник капитана. – У меня от этой посуды мороз по коже.

– Там есть кто-нибудь? – осведомился Арне, словно кто-то из присутствующих мог знать об этом. – Если никого, то... получается, мы можем забрать груз себе.

– Жадность – плохой советчик, – обронил Бьёрн, не отрываясь от подозрительной трубы.

Одноглазый матрос не обиделся. «Септимус» завораживал его своим необычным видом. Снасти целы, обледенелые шлюпки на месте, а белая от снега палуба пуста.

– Это торговое судно, – хмуро заключил боцман. – Вероятно, испанское... или английское. Я не вижу флага!

– Должно быть, его сорвало ветром.

– А где команда?

– Смыло за борт во время шторма, – предположил помощник.

– Всех?!

– Значит, оставшиеся прячутся внизу.

– Чего им прятаться? – нервничал Арне. – Что-то тут не так.

– Эта посуда не первый день болтается без руля, – заметил капитан Бьёрн. – Все обмерзло, снастями давно не пользовались. На реях висят сосульки, на палубе – слой снега.

– А следы на снегу есть?

– Не видно.

– Дайте взглянуть, капитан, – попросил помощник. – Не нравится мне этот «Септимус».

Бьёрн молча передал ему трубу и поежился. Горячий ром не согрел его, а только опьянил. Ему хотелось завалиться на узкую койку и уснуть. Хотя бы на пару часов.

– Черт побери! – вырвалось у помощника. – Его несет прямо на нас!

– Разминемся.

– Они терпят бедствие. Не мешало бы выяснить, кто на борту. Может, им нужна провизия или вода.

– Я бы проверил содержимое их трюма, – не унимался Арне. – Негоже добру пропадать.

Капитан подумал, что лучше снять грех с души. Если на судне есть люди, оставить их без помощи было бы жестоко. Шторм основательно потрепал «Харальда», но «Септимус» выглядел невредимым. Если бы не сильное обледенение и отсутствие людей на палубе...

– Спускайте бот, – приказал Бьёрн.

Помощник не решился перечить. Боцман бросился исполнять указание, к радости одноглазого Арне, который резво припустил за ним.

– Останешься вместо меня, – сказал капитан помощнику. – Я взгляну, что там случилось.

Он направился к боту, ссутулившись и опустив голову. Помощник махнул рукой и занял его место на мостике. То, что эта затея не принесет ничего хорошего, не вызывало у него сомнений. Но на корабле не оспаривают решения капитана.

Помощник напряженно смотрел, как Бьёрн, боцман и два матроса спустились в бот. Суденышко подбрасывало на черных волнах. Они быстро добрались до «Септимуса»

и поднялись на его борт.

То, что они там увидели, повергло бывалых моряков в шок...

Москва. Наше время

Порог зала для медитаций переступил респектабельный мужчина на вид лет тридцати пяти, рослый, одетый с иголочки. На его ухоженном лице застыло выражение брезгливой осторожности. Он недоуменно оглянулся по сторонам.

– Мебель еще не успели привезти, – объяснила Лариса, прочитав вопрос в его глазах. – Это нам не помешает. Располагайтесь!

Она указала на ряд стульев, расставленных Ренатом, и ободряюще улыбнулась.

– Наверное, я не туда попал, – смешался посетитель.

– Если вас смущает некая *ситуация*, то вы как раз по адресу, – сказала она, ощущая весь комизм происходящего.

Ренат веселился от души. Он слегка поклонился вошедшему.

– Это наш главный консультант, – представила его Лариса. – А я – его помощница. Вы смело можете довериться нам.

– Самсон Бушинский, – назвалса мужчина. – Честно говоря, я принял ваше объявление за розыгрыш. Весьма удивлен, что агентство существует на самом деле.

– Но вы пришли, несмотря на сомнения.

– Это авантюра...

– А вы рационалист и прагматик, – кивнула она. – Ваше кредо – логика и практический опыт.

– Что, заметно? – усмехнулся он, опускаясь на стул.

Ренат молча наблюдал за Бушинским. Этого мужчину привела сюда тайная страсть. Дикая для столь благоразумного человека.

– Глянцевый журнал не основной ваш бизнес, – рискнула Лариса. – Верно?

Краска отхлынула от выбритых щек Бушинского. Он обескураженно развел руками.

– Когда вы успели навести справки? Простите... но я только что представился. Вы не

знали моей фамилии! Это... это...

– Авантюра? – передразнила она.

Бушинский покосился на ноутбук, стоящий на подоконнике рядом с Ренатом, и сделал вывод:

– Вы отследили мой мобильный! Остальное – вопрос техники. Вы хакер!

– Ошибаетесь. Мы не нуждаемся в подобных вещах.

– Тогда как же...

– Давайте опустим детали. Мы не обязаны раскрывать суть нашего новаторского метода.

Вас заботит результат или способ его достижения?

– Результат. И еще... конфиденциальность. Второе даже важнее! Я не хочу, чтобы хоть крупица того, что я намерен обсудить с вами, вышла за пределы... этого помещения.

Бушинский вспотел и полез в карман за платком.

– Душно тут у вас...

– Август, – подтвердил Ренат. – Но здесь сохраняется прохлада.

– Да, да... просто у меня нервы разыгрались...

Мужчина промокнул платком лоб и вытер ладони. От него пахло хорошей парфюмерией и... страхом. Если бы не страх, он бы не пришел. Говорить о сокровенном с незнакомыми людьми было не в его правилах.

– Я не привык посвящать посторонних в свою личную жизнь, – подтвердил он догадки Рената. – Я бы хотел знать, что вы предпримете. Будете моделировать мою ситуацию на компьютере?

– Это лишнее, – улыбнулась Лариса.

Посетитель чувствовал себя неуютно и злился. Какого черта он повелся на дурацкое объявление и притащился в эту дыру? Сдается, раньше тут был спортивный зал. «Боже! До чего я дошел!» – подумал он. Но отступать было некуда.

– Может, я что-то неправильно понял? Вы занимаетесь *виртуальным анализом*?

– Именно так.

Бушинский молчал. Он не хотел выглядеть идиотом, но почему-то ощущал именно это. Над ним смеются. Его выставляют дураком!

– Но...

– Что вас беспокоит? – не выдержал Ренат. – Мы, кажется, договорились. Вы рассказываете, в чем проблема, а мы пытаемся ее проанализировать... что практически означает решить. Мы разберем проблему на составляющие, и – хоп! – неприятностей как не бывало.

– Вы сами в это верите?

– Тут не церковь, господин Бушинский, а я – не батюшка. По вопросам веры вам следует обращаться туда. Моя помощница вас проводит.

Ренат демонстративно отвернулся к окну, а посетитель нервно заерзал на стуле. Казалось, он каким-то образом оказался участником глупой и пошлой пьесы, причем ему отвели в ней главную роль.

– Позвольте... по-моему, вы мне грубите...

– Я всегда так делаю, когда кто-то зря отнимает мое время, – отрезал Ренат, стоя к нему спиной. – До свидания!

Лариса прятала усмешку. Дурной пример заразителен. Сейчас Ренат явно подражает резкой и бесцеремонной манере Вернера. На членов клуба это действовало безотказно.

Подействовало и на Бушинского. Он раскис и готов был сдаться.

– Я не могу вот так сразу... взять и выложить вам свою историю... – промямлил он. –

Вы должны понять...

– Вас никто сюда не звал, и мы вам ничего не должны. Лара, проводи этого господина!

– Идемте, Самсон. Если мы не заслуживаем доверия, поищите кого-нибудь другого, кто

выслушает вас и ничему не удивится.

Бушинский медлил. Он опустил глаза и судорожно мям в руках борсетку.

– Я погорячился. Войдите в мое положение...

– Даю вам ровно минуту. Рассказывайте или проваливайте!

Посетитель посмотрел на Ларису и пожаловался:

– Ваш главный консультант давит на меня.

– Минута истекает! – напомнил Ренат.

– Хорошо!.. Хорошо. Я попробую изложить суть того, что меня волнует... А вы проанализируете и... сделаете свой вывод. Обработаете данные на компьютере, запустите программу. Извольте! Я... сейчас...

Он был так напряжен, что вот-вот мог сорваться. Лариса сочла нужным внести легкую разрядку в наэлектризованную атмосферу зала.

– Вы давно издаете свой журнал?

Бушинский опешил. При чем тут журнал? Впрочем, какая разница? Он обрадовался возможности оттянуть момент своих признаний.

– Третий год. Это не основной мой бизнес. Вообще-то я занимаюсь торговлей. Продаю продукты питания. Дело прибыльное, но...

– Надоело?

– Вроде того. В юности я писал рассказы, – смутился он. – И вот, когда заработал достаточно денег, потянуло к перу. Захотелось печататься. Собственный журнал никогда не откажет мне в размещении моих литературных опытов. Словом, я осуществил давнюю мечту.

– Журнал женский? – осведомилась Лариса.

– Да. Это коммерчески выгодно: женщины больше читают. Журнал называется «Бальзаковский возраст». Тираж небольшой, но я надеюсь его увеличить. В общем, это не важно. Для прибыли у меня есть торговая фирма, а журнал – для души. По диплому я журналист, но статьями много не зарабатываешь. Пришлось менять профессию.

– Вы женаты?

Бушинский, словно его уличили в чем-то предосудительном, бросил быстрый взгляд на свое обручальное кольцо. Он покраснел, как подросток. Видимо, его проблема крылась в любовной истории. И героиней этой истории была отнюдь не законная супруга...

1775 год, морские воды к западу от Гренландии

Бьёрну захотелось хлебнуть рома, когда он спустился на нижнюю палубу и увидел команду «Септимуса». Все койки в кубрике были заняты... мертвецами. Они лежали в разных позах, как живые. Холод сохранил их тела от разложения.

Китобои онемели. Они словно очутились на том свете. Это был мертвый корабль, населенный покойниками.

Впервые боцман вместо чертей помянул Господа и в ужасе попятился. Остальные молча застыли за его спиной.

– Так... – процедил капитан сквозь зубы.

Он не понимал, что все это значит. Почему люди замерзли, и как этот торговый парусник попал во льды?

– Это англичане, – определил боцман, когда к нему вернулся дар речи. – Я ходил на таком судне из Ливерпуля в Китай. Надо бы заглянуть в трюм.

– Отсюда ничего нельзя брать, – подал голос один из матросов и суеверно сплюнул.

«Он прав», – подумал капитан Бьёрн и вспомнил свою жену. Если белокурая Ингрид не дождетя его из плавания, то выскочит замуж будущим летом. Он тряхнул головой, отгоняя ревнивые мысли.

– Надо убираться, – прохрипел боцман. – У меня поджилки трясутся!

Бьёрн, подчиняясь чувству долга, отправился в каюту капитана. Ему пришлось нагнуться, чтобы попасть внутрь. В тесное помещение падал рассеянный серый свет. Хозяин сидел за столом, склонившись над открытым судовым журналом. У стены на койке лежала мертвая женщина. На полу сидел моряк, который так и не успел разжечь огонь. Кремень и щепки валялись у его ног, обутых в сапоги.

Боцман не решился переступить порог каюты и топтался за дверью.

Бьёрн невольно засмотрелся на женщину. Она была молода и красива. Тонкое лицо,

черные волосы, плащ, подбитый мехом. На пальцах блестели кольца с камнями.

– Баба на борту приносит несчастье, – заметил боцман, который все-таки отважился присоединиться к капитану.

Они едва помещались в каюте, полной мертвецов. Боцмана передернуло. Бьёрн же не мог оторваться от женщины. Она совсем не похожа на его скуластую, крепко сбитую Ингрид. Из-за таких красоток мужчины запросто сходят с ума! Кем она была капитану?.. Женой? Любовницей? Пассажиркой?.. По виду она – знатная дама. Ее изящные пальцы не знали работы, а кольца на них стоят уйму деньжищ.

– Эй, капитан, – заволновался боцман. – Нам тут делать нечего.

– Что с ними случилось? Как их занесло сюда?

– Они не расскажут. Разве что в журнале есть какие-то записи.

– Надо проверить камбуз и кладовые. Бери матросов и выполняй! – приказал капитан.

– А трюм?

– К черту их груз, даже если там слитки золота...

Бьёрн не отдавал себе отчета в том, что хочет остаться в каюте один с мертвыми обитателями. Казалось, что-то притягивает его к себе.

Когда боцман вышел, он склонился над судовым журналом. Бьёрн не знал языка, на котором покойник вел записи, и решил захватить журнал с собой. Хрупкие от мороза листы разламывались в его руках...

На камбузе и в кладовых не нашлось ни крошки провизии. Боцман доложил об этом капитану. Тот будто не слышал. Он шагал к боту как пьяный и часто оглядывался. Маленькое суденышко двинулось обратно к «Харальду». Матросы налегали на весла. Мерно поскрипывали уключины, плескалась ледяная вода.

– Ветер стих! – разразился проклятиями боцман. – Тысяча чертей! Теперь нам придется торчать рядом с этим плавучим гробом!

Он кивнул в сторону «Септимуса» и оскалил желтые зубы, прореженные в портовых драках. Покинув корабль мертвецов, боцман осмелел и сыпал привычной бранью.

Еще целые стучи «Харальд» дрейфовал рядом со страшным соседом. Ночью на борту никто не спал. Бьёрн лежал на своей койке и думал о женщине, которая осталась в каюте «Септимуса». Она как будто уснула, укутавшись в меховой плащ. Ее глаза были закрыты, и казалось, что темные ресницы вот-вот дрогнут...

С этими мыслями капитан задремал. Через час его разбудили крики на палубе. Вахтенный поднял переполох, утверждая, что в иллюминаторах «Септимуса» мелькает свет. Боцман до утра ворочался на койке, несмотря на изрядную порцию рома. Ему мерещился тоскливый собачий вой, который раздавался с палубы морского странника.

Утром он пугал китобоев баснями про покойников на заблудившемся паруснике. А вахтенный клялся, что видел, как по палубе «Септимуса» бродила фигура с фонарем.

К полудню подул ветер. Корабль с мертвой командой, поскрипывая реями, проплыл мимо «Харальда» и скрылся в тумане...

* * *

История Самсона Бушинского звучала почти весело. В сущности, ничего страшного в ней не было. Кроме эмоций, которые захлестывали бизнесмена. В какой-то момент он даже прослезился.

– Теперь вы понимаете, почему я пришел к вам? Сам я не в силах разобраться в том, что происходит. Мне нужен кто-то нейтральный! Человек со стороны, хладнокровный и рассудительный. Я запутался! В семье начались скандалы. Жена замечает перемены в моем отношении. А я не в силах скрывать, что... что...

– Полюбили другую? – высказала Лариса то, что крутилось у него на языке.

– Думаете, это любовь? Разве можно любить женщину, которую ни разу не видел?

– Вы создали ее образ в своем воображении. Вы писатель. У вас это получается лучше, чем у кого бы то ни было. Вы создаете собственный мир, где ваши герои живут, любят и умирают.

– Писатель – громко сказано! Я сочиняю рассказы о человеческих страстях, хотя сам не испытывал ничего подобного. Мне казалось, я не способен переживать то, о чем пишу. Я лишен этого в жизни. Но год назад все изменилось! С тех пор, как Джейн прислала в мой журнал свою рукопись. Я допускаю, что это может быть вымысел, но...

– Она хотела, чтобы вы напечатали ее откровения? – уточнил Ренат.

– Да, да! Частями. Большие отрывки утомляют читателей. Поэтому мы с редактором решили разбить текст на кусочки. Признаюсь, я был потрясен. Талант Джейн произвел на меня неизгладимое впечатление. Я увлекся этой женщиной...

– Литературной героиней? Или самой Джейн?

– Я их не разделяю. Хотя вы правы. Надо провести черту, границу между Джейн и женщиной, которую она описывает. Но я не в силах! Не в силах... Как вы собираетесь помочь мне? Проведете компьютерный анализ текста? Он у меня с собой...

Бушинский достал из борсетки флешку, поискал глазами, куда бы ее положить, и протянул Ренату.

– Возьмите. Понятия не имею, как вы намерены действовать. Кстати, сколько стоят ваши услуги?

Ренат назвал цифру. Лариса отвела глаза, а клиент покачал головой.

– Ого! Немало для начинающих специалистов. Судя по обстановке, вы еще толком не обустроились.

– Это не должно влиять на цену.

– Наш главный инструмент – здесь! – добавила Лариса и постучала пальцем по своему лбу.

– Да?..

Ее слова и особенно жест смутили коммерсанта. Однако он не высказал своих сомнений. Он был не в том состоянии, чтобы мыслить здраво.

– Какого результата вы ждете? – осведомился Ренат.

– Я хочу узнать Джейн поближе. Кто она, чем дышит, какой у нее характер?

– Разве все это не изложено в рукописи?

– Изложено... Но Джейн от этого не становится ближе и понятнее. Она прислала рукопись по Интернету, и общаемся мы исключительно по электронной почте. Я умолял ее выйти в скайп, но она ответила отказом. Я бы хотел понять, она пишет о себе или...

– Джейн – ее настоящее имя или псевдоним?

– Я могу только гадать, – развел руками Бушинский. – Она англичанка по отцу, а по

матери – русская. Джейн Рейли. Сейчас она в Москве, работает над продолжением повести.

– Откуда вам известно, что она в Москве?

– С ее слов...

– Что вы думаете о ней?

– Она очень умна и красива...

– Разве вы ее видели?

– Не знаю. Джейн наотрез отказывается от личной встречи, но... однажды она позволила мне увидеть ее. Это было в театре. Понимаете, она замужем. Ее муж – торговый представитель британской фирмы.

– Он не одобрит флирта жены с российским бизнесменом.

– Между нами нет флирта! – вспыхнул Бушинский. – Клянусь вам! Джейн не такая. Она не дает мне повода для ухаживаний. Я и не заметил, как влюбился в нее. Это случилось внезапно. Сначала мной двигало любопытство, а потом...

– Вы увидели ее в театре и потеряли голову? Дама в красном шелковом платье поразила вас своей красотой и изяществом?

Коммерсант поднял удивленные глаза на Ларису и кивнул.

– Именно так все и было... Как вы догадались?

– Это секретная составляющая нашего метода.

– Джейн сказала, что будет сидеть в партере, и я узнаю ее по красному платью. Она запретила мне подходить к ней и, если я ослушаюсь, пригрозила полным разрывом...

Татьяна обставила свой маленький кабинет на собственные средства. Вернее, она взяла деньги у мужа. Удобный диван с мягкой обивкой служил ей ложем любви. С таким расчетом она его и покупала.

Она приподнялась на локте и с умилением смотрела на голый торс и красивое лицо любовника. Ямочка на его подбородке вызвала у нее прилив нежности.

– Я опаздываю на репетицию, – сказал он.

Движение его губ пробудило в Татьяне новую волну желания. Сегодня она не получила удовлетворения. Ее зрелая чувственность требовала долгих ласк, которые утомляли парня. Но он не смел в этом признаться.

– Остайся еще на минутку, – прошептала она, любуясь выпуклыми мышцами на его груди.

– Сюда могут прийти!

– Я закрыла дверь изнутри. А ключ только у меня!

– Как же уборщица наводит здесь порядок?

– В моей двери – два замка. Один для меня, другой для всех остальных. Когда я уйду, запираю на верхний, а когда хочу, чтобы никто не вошел, – на нижний.

– Никто этого не замечает?

– Люди жутко ненаблюдательны.

Она потянулась к любовнику, но тот отстранился и сел, натягивая джинсы. Не мешало бы помыться перед тем, как выйти на сцену. На первом этаже есть маленькая душевая. Правда, он уже не успеет привести себя в порядок.

Татьяна продолжала лежать, с сожалением глядя, как он одевается и приглаживает волосы перед зеркалом. То, что они встречаются днем и рискуют попасться, возбуждало ее.

– Ты трусишка, Гена...

– Не хочу получить нагоняй от главного.

Он имел в виду режиссера, которого боялись все, кроме Татьяны. Ей что? У нее богатый муж. Зачем она работает, вообще непонятно. Он бы на ее месте наслаждался свободой и тратил дармовые денежки.

– Ты меня любишь?

– Конечно! – Он небрежно поцеловал ее в щеку.

Татьяна положила глаз на молодого актера Геннадия Беспалого, как только тот появился в театре. Парень приехал из провинции и попал в труппу по протекции своей тетки. Та занимала какую-то важную должность в министерстве культуры. Директор театра, существующего на государственные дотации, не смог отказать влиятельной чиновнице.

Жена Бушинского работала в театре бухгалтером. Супруг посмеивался над ней и не раз предлагал более прибыльное место.

– Что тебя держит в этом вертепе? – удивлялся он. – Платят копейки, и никакой карьеры.

Татьяна устала ему объяснять, что вертеп – это ящик с марионетками для рождественских представлений. Самсон всегда отвечал одно и то же:

– Я думал, это притон разврата. Впрочем, верно и первое, и второе.

Бушинский не уважал артистов. Он считал их фиглярами, недостойными быть принятыми в приличном обществе. Разубедить его в этом жена не сумела. В первые годы брака Самсон изводил ее ревностью, потом остыл, а потом притерпелся. Его едкий сарказм перешел в ироническое подтрунивание. Татьяна привыкла и не обижалась. Раньше у нее и в мыслях не было завести себе любовника. Когда муж перестал ее ревновать, она закрутила служебный роман.

Геннадий поразил ее киношной внешностью и приятными манерами. Этот провинциал казался совершенно беспомощным в огромном городе. Татьяна взялась его опекать. Он снимал квартиру, ему не хватало денег на самое необходимое. Она предложила на первых порах оплачивать его проживание. Дальше – больше. Татьяна покупала ему одежду, продукты и даже посоветовала найти себе москвичку, чтобы решить квартирный вопрос.

Однажды она увидела, как Беспалый заигрывает с партнершей по спектаклю, и ее осенило: она влюблена! Ей ничего не стоило соблазнить актера, который делал первые шаги на сцене и нуждался в покровительстве. Тетка устроила Геннадия в столичный театр и умыла руки. О том, чтобы он поселился у нее, не могло быть и речи. «Раскрутки» она ему тоже не обещала.

«Я не собираюсь позориться и выпрашивать для тебя роли, – отрубил чиновница. – Не пробьешься самостоятельно – грош тебе цена!»

Геннадий затаил обиду и решил доказать родственнице, что не лыком шит. Это оказалось сложнее, чем он полагал.

«Твоя внешность, парень, идеально подходит для стриптиза, – заявил режиссер. – Может, тебе обратиться в ночной клуб?»

Словом, в театре его встретили в штыки. Труппа роптала, режиссер давал ничтожные роли. Геннадий почти созрел для того, чтобы подрабатывать стриптизом.

– Я не могу себя проявить, – жаловался он бухгалтерше. – Мой талант чахнет. Что мне делать? Сниматься за гроши в массовке?

Татьяна терпеливо выслушивала его нытье и все сильнее привязывалась к этому негоднику. Скоро она отдалась ему прямо в кабинете. Секс на столе случился у нее впервые в жизни, и она поняла, что это – неудобно. Через неделю в бухгалтерии появился диван, а свидания с Геннадием стали регулярными.

– Нас застукают, – побаивался он. – Лучше приходи ко мне домой.

– Мне здесь нравится!

Их встречи были быстрыми и бурными. Татьяна выбирала время до репетиции, когда в театр только начинали сходить артисты. Труппа была небольшая, и всех бухгалтерша знала лично. В ее кабинет сотрудники заглядывали исключительно перед зарплатой.

– Нас не должны видеть вдвоем, – твердил Геннадий.

– В бухгалтерии нас никто не видит.

– Могут подумать, что...

Татьяна смеялась и закрывала ему рот ладошкой.

– Молчи! Никому не придет в голову, что мы с тобой *делаем это* прямо здесь, у всех на

виду.

– Я не хочу доставлять тебе неприятности.

– Если мы будем встречаться в другом месте, это как раз вызовет подозрения. Кто-нибудь заметит, наматывает на ус, настучит.

Татьяна от природы обладала острым умом. Геннадий доверился ей.

Увлеченная своим чувством, она не заметила перемен, которые происходили с ее благоверным. Журнал «Бальзаковский возраст» случайно попался ей на глаза дома, на кухне. Она полистала страницы и удивленно спросила мужа:

– С каких пор ты читаешь женские журналы?

– Это мой журнал. Я его издаю.

– Ты?..

Татьяна еще раз пролистала журнал, более внимательно. Обычная гламурная дребедень, советы косметолога, психолога, диетолога... немного рекламы и короткие рассказы. Такого чтения на лотках хоть отбавляй.

«Ерунда, – заключила она. – Каприз богатого человека, которому наскучил его бизнес. Можно понять!»

Как ни странно, работа в театре была для Татьяны отдушиной, способом внести разнообразие в свою сытую благополучную жизнь. Раньше она работала ради куска хлеба, теперь – для развлечения. Если у человека нет проблем, он начинает их создавать. Отчасти любовная связь с Беспалым стала проблемой, определенным риском, который придавал жизни пряный вкус греха.

Поведение мужа насторожило Татьяну. Она успокаивала себя тем, что ее Самсон не из тех, кто бегаёт за каждой юбкой. Грудастые модели, которые позировали для гляцевых фото в его журнале, ей не соперницы. В глубине души Бушинский однолюб, предпочитающий стабильность во всем, особенно в личных отношениях.

Все же ревность зашевелилась в Татьяне и подняла голову. Самсон изредка баловал ее супружескими ласками, и эти ласки стали *другими*...

* * *

Лариса открыла страничку Бушинского в Твиттере. Он помещал там фотографии своей дачи на Клязьме, посты о пробах пера и увлечениях. В последний раз бизнесмен заглядывал на страничку еще весной.

– Оказывается, он любит рыбалку и теннис, – сообщила она Ренату. – У него есть собственный корт. Ты умеешь играть в теннис?

– Нет.

– Я тоже. А рыбу ловить?

– Проще купить ее в супермаркете.

– Красивый у него дом! Деревянный, с каменным цоколем.

На многих фото Бушинский был заснят с управляющим, который то играл с ним в теннис, то ловил рыбу.

– Какой-то Ступников, – сказала Лариса. – Похоже, они приятели. Хуже нет, когда работа завязана на дружеских отношениях. Смотри-ка, они с управляющим жарят пашлык... О жене тут ни слова! Кстати, я не нашла Татьяну Бушинскую в соцсетях. Видно,

она равнодушна к общению в Интернете.

– Неужели есть такие женщины?

– Сколько угодно! Я, например. Кстати, мне не доставляет труда вообразить себе жену Бушинского, но Джейн Рейли – неуволима. Как ни старайся, ничего путного в голову не идет. Одни нелепости.

– А что ты скажешь о Татьяне? Сравним наши представления?

Они сосредоточились на образе госпожи Бушинской, и та предстала перед ними во всей красе.

– Ну... ей лет тридцать, хорошая фигура, дорогая одежда... Она работает!

– Неужели? – усмехнулся Ренат. – Не ради денег, надеюсь? Бушинский не похож на скрягу, который экономит каждую копейку. Нам он отвалил щедрый аванс.

– Некоторые толстосумы весьма прижимисты. Но Самсон к ним не относится, – подтвердила Лариса. – Он не заставляет жену отчитываться о покупках и не скупится на ее потребности. Ба!.. Да у нее любовник!.. Молодой мужчина...

– Красавчик. Настоящий альфонс. Расчетливый наглец под маской наивного скромника.

– Интересно, чем он занимается?

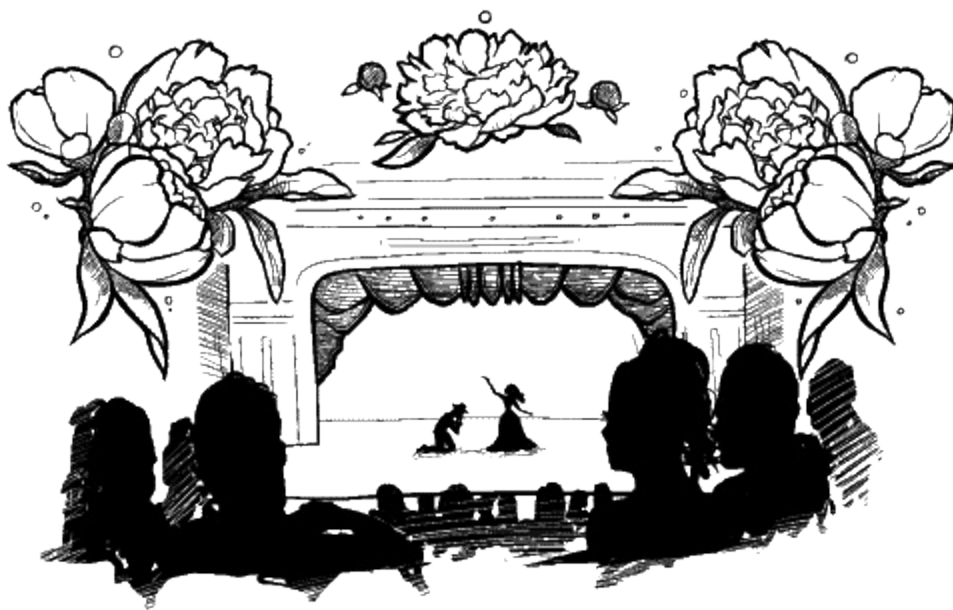
– Стриптизер! – выпалил Ренат и засомневался. – Хотя постой... Его посещают мысли заняться стриптизом, но он не спешит их осуществлять...

– Его занятие предполагает выходы на публику. Он имеет дело со сценой. Неужели актер?

– Бушинский, бедолага, не знает, что жена наставляет ему рога. Ему не до этого. Он пылает страстью к Джейн Рейли. Пожалуй, это самое сильное чувство за всю его жизнь...

– Во всем этом есть какое-то несоответствие!

– Я бы сказал, опасное несоответствие...

Геннадий едва сдерживал бешенство. Бездарный режиссер без конца одергивал его и делал замечания.

«Он просто издевается надо мной, – злобно кривился актер. – Его гложет зависть! Я молод, хорош собой и талантлив. Он бы с радостью вышвырнул меня вон, да кишка тонка. Боится, каналья!»

Режиссер в самом деле побаивался всерьез задевать новичка, но отказать себе в мелких придириках не мог. Этот провинциальный хлыщ раздражал его своим гонором. Глуп как пробка, а туда же, – петушится, огрызается.

– Все! Ты меня достал, парень! – побагровел он после очередной реплики Беспалого. – Здесь тебе не школьный драмкружок! Не испытывай мое терпение!

Геннадий вспыхнул, развернулся и ушел со сцены. Она в театре «Тет-а-тет» была небольшая, рассчитанная на постановку камерных пьес.

– Ну и черт с тобой! – крикнул ему вдогонку режиссер. – Проваливай! Ишь, характер он показывает! Ты хотя бы слова выучи!

Артисты перешептывались и хихикали, что окончательно вывело его из себя. Он рывкнул на них и закончил репетицию.

– На сегодня с меня довольно...

Беспалый этого уже не слышал. Он шагал по коридору, громко топая и сжимая кулаки. Хотелось кинуться к Татьяне, поплакаться в жилетку и получить порцию сочувствия. Но он не рискнул. После репетиции любой сотрудник мог сунуться в бухгалтерию с каким-нибудь шкурным вопросом. И тогда...

Геннадий гнал от себя дурные мысли. Татьяна казалась ему странной женщиной, немного с вывихом. Имея богатого мужа, зачем-то торчит в жалком театришке, трудится за мизерную зарплату. Актрисы завидуют ее нарядам и украшениям, льстят, одалживают у нее деньги и за глаза осуждают. Мол, с жиру бесится баба. Выпендривается. Детей нет, вот она и свихнулась на этой почве.

Он остановился у ее двери, тряхнул головой и прошел мимо. Не сейчас! Потом, когда выдастся удобный момент, он расскажет ей, как тяжело ему приходится в этом городе, чужом и равнодушном к маленькому человеку.

Геннадий не признавался себе, что боится мужа бухгалтерши, господина Бушинского. Не дай бог, тот пронюхает об измене супруги! Но отказаться от близости с Татьяной он не может. Сам он не потянет аренду квартиры и жизнь в мегаполисе.

Иногда его посещали мысли о смерти Бушинского. Пожалуй, он бы женился на вдове. Принес бы в жертву свою свободу в обмен на беззаботное существование. Татьяна его обожает. Она ничего не пожалеет, чтобы угодить ему. То, что она старше – скорее плюс, чем минус.

Молодой человек шел по улице, не замечая прохожих, и чуть не сбил с ног тощую даму в очках. Та возмутилась. Он рассыпался в извинениях. В этот момент в его кармане зазвонил телефон.

– Алло? Нет, репетиция не закончилась... Я послал главного и ушел!.. Когда?.. Сегодня вечером?.. Хорошо... Да... Я буду свободен...

* * *

Секретарша покосилась на свежий номер журнала «Бальзаковский возраст», передернула узкими плечиками и подала шефу бумаги на подпись. Она не знала, что Бальзак – это французский писатель, а «бальзаковский возраст» подразумевает женщин от тридцати до сорока лет. Зато девица имела длинные стройные ножки и смазливое личико. Ее устроил к Бушинскому знакомый, с которым она за это переспала.

– Чего тебе, Алина?

– Подпишите, Самсон Карлович...

Он не глядя поставил свою размашистую подпись и указал на дверь. Иди, мол, не мешай.

– Вам кофе сделать?

– Давай, – согласился шеф, не отрываясь от телефона.

Секретарша тщетно пыталась соблазнить Бушинского. Он был женат, но это не помеха. В его годы любой мужчина уже окольцован. Алина из кожи вон лезла, чтобы понравиться шефу. Глубокие декольте, короткие юбки и недвусмысленные позы, которые она нарочно принимала, не возымели действия. Но девушка не унывала.

Она взяла подписанные бумаги и направилась к двери, виляя бедрами, однако Бушинский даже головы не повернул.

Алина никак не могла взять в толк, о какое препятствие разбиваются ее усилия. Может, шеф любит жену до сумасшествия? Не похоже. Может, у него уже есть любовница? Этот факт не смущал предприимчивую секретаршу. Устранить соперницу было для нее делом принципа.

Алина не собиралась разбивать семью Бушинского, чтобы выйти за него замуж. Роль законной супруги ее не привлекала. Весело проводить время и получать дорогие подарки куда приятнее, чем исполнять скучные домашние обязанности. Мужчины недостойны того, чтобы посвящать им свою жизнь. С некоторых пор у Алины появилось убеждение, что все они – лицемеры и предатели.

Она готовила кофе и думала, как бы залезть в компьютер шефа и проверить его почту. Она навела справки о госпоже Бушинской и была поражена, что та работает в бухгалтерии какого-то затрапезного театра.

– Дура! – пробормотала Алина, наливая кофе в маленькую чашечку. – Вышла замуж за деньги и продолжает вкалывать!

Мысли о жене шефа крутились в ее очаровательной головке. Неужели Бушинский – примерный семьянин? Вряд ли. На подкаблучника он не похож.

Она вошла в кабинет с подносом. Самсон Карлович велел поставить кофе на стол и отправил Алину восвояси. Он даже не удосужился поблагодарить.

Вечером Бушинский отпустил секретаршу домой, а сам остался в офисе.

В это время Джейн изредка выходила на связь. Они обменивались скупыми строчками в сети.

«Знаешь, какой я тебя вижу? – писал он. – Ты молодая, очень стройная и элегантная. У тебя тонкие черты, бледная кожа, большие глаза и красивый рот. Волосы скорее темные, чем светлые. Верно?»

Она не отвечала ни «да», ни «нет». Джейн охотно рассказывала о своем окружении и молчала о себе. Это разжигало интерес Бушинского сильнее самых хитрых женских уловок.

«Тогда в театре я высматривал тебя в партере, а потом с замиранием сердца ждал антракта. Ты быстро прошла мимо, не поднимая глаз. Волосы падали тебе на лицо. Это воспоминание до сих пор не дает мне спать. Когда я вновь увижу тебя, почувствую запах твоих духов?»

«Пока не знаю...»

«Что мне сделать для тебя? Я готов на многое. Готов бросить жену, если в этом дело. А ты смогла бы уйти от мужа?»

Они переписывались около получаса. Бушинский забыл обо всем, он опомнился, когда зазвонил его сотовый. Номер был незнакомый, но он даже не взглянул на дисплей.

– Слушаю!

– Я по поводу вашей жены...

– Вы кто?

– Доброжелатель...

Голос был глуховатый, вкрадчивый. Бушинский хотел нажать на кнопку сброса, но передумал.

– С Татьяной что-то случилось?

– Это уж вы сами судите, случилось или нет. Она вам изменяет.

– Что-о?

Мысль об измене жены давно не волновала его. Джейн заполнила его целиком, затмила его рассудок. Но сейчас от слов «доброжелателя» в нем заклокотало бешенство.

– Эй! – крикнул он в трубку. – Эй! Что ты болтаешь?

– Мы перешли на «ты»? Ладно. Значит, так: у твоей жены есть любовник. Молодой, наглый и меркантильный. Не удивлюсь, если они обчистят тебя до нитки и смоятся куда-нибудь на Бали, наслаждаться любовью на твои денежки. Проверь свои счета, лох!

Бушинский взревел, но «доброжелатель» предусмотрительно оставил его наедине со своей яростью. Он швырнул телефон, и тот разлетелся на две части. Чашка перевернулась, холодный кофе разлился. На полировке стола образовалась бурая лужица.

– Пошел ты!.. Подонок!..

Бушинский разразился руганью. В дверь испуганно заглянул охранник, которому не терпелось остаться в офисе одному и включить телик.

– Самсон Карлович, что с вами?

– Прочь! – Бушинский запустил в него подставкой для карандашей. – Идиот...

Его выдержка дала сбой. Раньше он не позволял себе кидаться предметами в сотрудников. Неразделенная страсть к Джейн подтачивала его, толкала на неадекватные поступки. Чего стоит его визит к «виртуальным аналитикам»!

Бушинский выругался и закрыл лицо руками. Он дошел до предела, если доверился шарлатанам. Люди, которые отказались объяснить, в чем состоит их метод, потребовали за услуги немалую сумму, и он выложил деньги, не торгуясь.

– Идиот, – простонал он. – Какой же я идиот!.. Все вокруг – идиоты!..

Звонок «доброжелателя» доконал его. Татьяна! Неужели она опустилась до того, что спит с нищим молокососом? Позорит себя и мужа! Бросает тень на его фамилию! Он всегда считал театр вертепом. Вертеп и есть!

Бушинский кипел от злости. Как она посмела? Хочет развестись – нет проблем. Зачем обманывать? Он с радостью расторгнет брак, даже поделится частью бизнеса. Теперь у него есть Джейн! Они начнут новую жизнь...

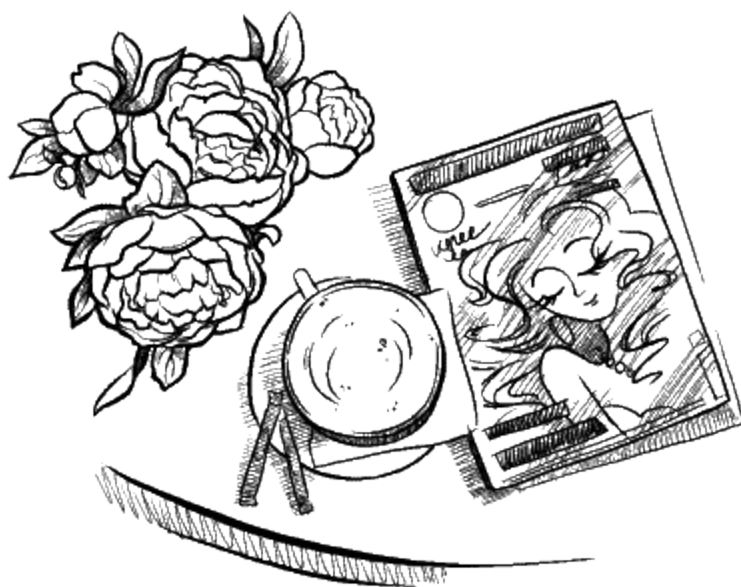
Он собрал телефон и проверил, работает ли. Сотовый пронзительно задребезжал в его руках. Номер на дисплее был тот же, что и перед этим.

– Привет, «доброжелатель», – сострил Бушинский. – Что ты еще не сказал? Моя жена – лесбиянка? Агент ЦРУ? Предводительница секты сатанистов?

– У нее СПИД, – сухо сообщил голос. – Она наверняка заразила тебя. Сходи, сдай анализ.

Бушинский покрылся холодным потом.

– Шутка! – захихикал голос. – Расслабься. Она снимает квартиру своему альфонсу. Небось за твои бабки. Какой-то жалкий актеришка наставляет тебе рога. Неужели стерпишь?..

Была полночь. Лариса читала «Записки» Джейн. Она сидела в гостиной, рядом горел торшер. Ренат задремал на диване.

– Джейн... – прошептала она и закрыла глаза, вызывая образ женщины, которая подробно описывала свою жизнь. Или не свою?

Образ не складывался, не возникал перед ее внутренним взором. Словно кто-то заблокировал информационное поле Джейн. Наложил табу. Вместо тайной возлюбленной господина Бушинского являлась его жена – рослая, упитанная шатенка с красивым, но несколько вульгарным лицом. Подвитое каре, раскосые глаза, чувственный рот. Странно, что, живя с богатым мужем, она не бросила работу. Что ее держит в театре?

Ренат взял два билета на спектакль «Проделки Амура».

«Надо взглянуть на труппу, – объяснил он. – Познакомиться с творческой атмосферой!»

Лариса не возражала. Характер людей часто раскрывается там, где они проводят большую часть времени. Рабочее место порой может рассказать о человеке больше, чем его друзья и знакомые.

Ренат неожиданно проснулся и открыл глаза.

– Читаешь?..

– Угу.

– Судя по восторженным отзывам клиента, произведение талантливое.

– Любовь слепа, дорогой. Бушинский явно преувеличил достоинства текста, но содержание забавное. Я, конечно, не авторитет в литературе...

– О вкусах не спорят, – улыбнулся Ренат. – Тебе не понравилось?

– Понравилось... не понравилось... Не в этом суть. Странные вещи произошли с Джейн.

– Она могла кое-что придумать, приукрасить сюжет. А Бушинский, по ходу, поверил.

– Будешь читать? – спросила Лариса.

Ренату было лень вставать, тратить время на женскую муру.

– Что там такого? Расскажи в двух словах.

– В двух не получится...

Она все же принялась рассказывать. Мать Джейн, будучи переводчицей, поехала на стажировку в Лондон и познакомилась там с клерком из какой-то промышленной компании.

Тот клялся в любви, но замуж не звал. Достаток у него, по британским меркам, был средненьким, хотя девушке из подмосковного поселка он казался преуспевающим денди.

– Они стали любовниками? – догадался Ренат.

– Клерка звали как принца Уэльского – Чарльз, – и переводчица не устояла.

– Кто бы сомневался!

– Чарльз приглашал девушку на свидания в крохотную квартирку на окраине Лондона, где они пили чай и занимались любовью. Он говорил, что скоро разбогатеет, переводчица верила. Впрочем, ей было достаточно и того, что Чарльз уже имел: жилье в британской столице и жалованье, которое ему платили в компании.

– Держу пари, английский клерк не оценил бескорыстия русской девицы.

– Джейн пишет, что нет. Стажировка закончилась, и любовный роман тоже. Переводчица собралась уезжать. Напрасно она ждала от Чарльза если не предложения руки и сердца, то хотя бы намек на продолжение отношений. Они простились. Любовник не обещал ни звонить, ни писать. Переводчица все-таки сунула ему в карман записку со своим адресом, поцеловала в щеку, всплакнула и отправилась в аэропорт...

– Душеспипательная история, – усмехнулся Ренат. – Как раз для женского журнала.

– У меня сложилось впечатление, что...

Лариса замолчала и задумалась. Она забыла закончить фразу. В голове мелькнула мысль, которую она не успела поймать.

– Сколько же лет этой Джейн?

– Судя по тексту, около двадцати трех.

– Двадцать три года назад в России наступили лихие девяностые, – рассудил Ренат. – Железный занавес упал, но вряд ли в те годы обычная девушка попала бы в Лондон на стажировку и тем более – в объятия «загнивающего капиталиста».

– Вероятность ничтожна, но полностью отрицать этого нельзя. Переводчице повезло. Звезды так сложились. Бывает. Или все, что написано Джейн, – вымысел. Кстати, она действительно загадочный персонаж. Я никак не могу представить ее образ. Не получается!

– Потому что единственный надежный источник информации для нас – Бушинский. А он сам *не видел Джейн воочию*.

– По-твоему, та дама в театре, которая была одета в красное платье, – не Джейн?

– Это могла быть любая женщина. Бушинский ошибочно принял ее за Джейн. Либо ее наняли, чтобы... она сыграла роль Джейн. Не стоит гадать попусту. Пока мы располагаем только текстом, неизвестно кем написанным, и словами клиента. Этого мало.

– Ты ему веришь?

– Зачем Бушинскому лгать?

– Странно, что по тексту трудно вообразить человека, который его писал. Я вижу... впрочем, нет... не знаю.

– Вернер поставил бы нам двойку.

Лариса ломала голову над тем, что они скажут Бушинскому. Извините, наш метод дал осечку?

– Утро вечера мудренее, – вздохнул Ренат. – Что там дальше накропала эта Джейн? Вернувшись домой, ее мамаша обнаружила беременность? Сообщила англичанину, но тот открестился от будущего младенца?

– Не совсем.

– Что же тогда?

– Ничего. После лондонской стажировки переводчица рассчитывала на место в каком-то московском ведомстве, но туда устроили по блату другую девицу. Мать нашей героини вернулась в подмосковный поселок и устроилась в школу учительницей английского. На полставки.

Ренат зевнул. История недотепы, которая упустила свой шанс выскочить замуж за подданного Великобритании, звучала банально и скучно.

– Выходит, ей даже забеременеть не удалось?

– Ты циник.

– Не отрицаю. Каким образом появилась на свет Джейн, если...

– Ты забегаешь вперед, – рассердилась Лариса. – Не хватает терпения, бери текст и читай сам.

– Завтра, – зевнул он. – Давай спать.

– Завтра мы обещали позвонить Бушинскому и прояснить его ситуацию. Он ждет...

* * *

Шеф вихрем пролетел приемную и выскочил за дверь. Алины уже не было. Ее рабочий день закончился, а он не заметил, что за окнами сгустились сумерки. После звонка «доброжелателя» Самсон Карлович словно выпал из времени, провалился в черную дыру.

Он опомнился возле своей «Хонды», сел за руль, выехал с парковки и помчался по адресу «альфонса». Образ Джейн преследовал его даже теперь, когда злость на жену застлала разум.

– Дура, – процедил он и прибавил газу. – Тупая похотливая сучка!.. Не могла развода дожждаться... Думаешь, я тебя держать стану?

Руки чесались проучить Татьяну по дедовскому обычаю – отвесить пару оплеух, чтобы впредь неповадно было мужа позорить. Но сначала он разберется с разудалым актеришкой, а потом с нее спросит.

Джейн посмеивалась и опускала долу длинные ресницы.

– Я тебе покажу!.. – вне себя от ярости бормотал Бушинский, обращаясь к жене. – Узнаешь, где раки зимуют!..

В районе Ясенево он свернул не на ту улицу и отыскал нужный дом, только когда уже стемнело.

«Доброжелатель» не предупредил, что на двери подъезда – кодовый замок. Бушинский топтался у входа, пока пожилая дама с сумкой, полной продуктов, не пропустила его внутрь. Они вместе вошли в лифт. От сумки пенсионерки пахло рыбой.

– Треску купила, – пояснила она, хотя Бушинский ни о чем ее не спрашивал. – У меня внук гостит. Буду ужин готовить.

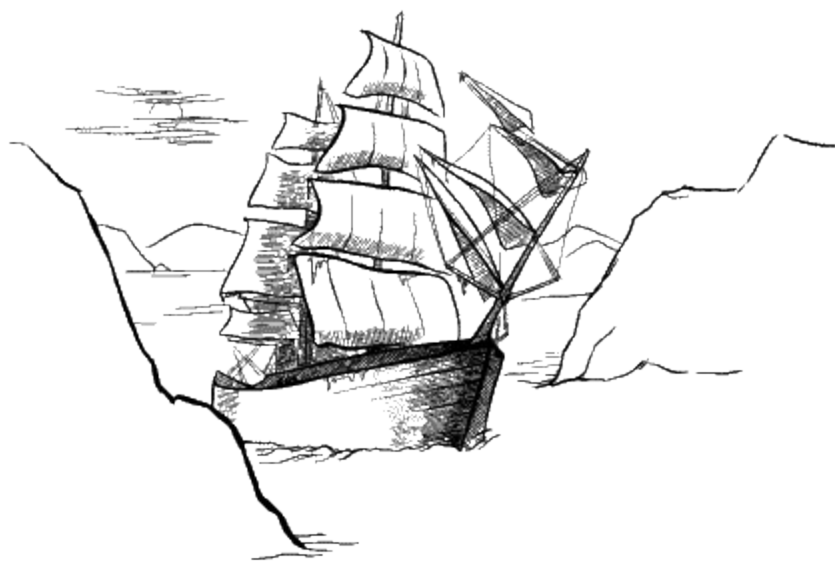
Он кивнул из вежливости и спросил, какой ей нужен этаж. Дама вышла на шестом, а муж-рогоносец поднялся на девятый.

Дверь в квартиру, где жил его обидчик, оказалась китайская, ничем не примечательная. Бушинский позвонил. Он не продумал заранее, как станет действовать. По обстоятельствам!

В двери чернел глазок, и Бушинский закрыл его пальцем. Это было глупо, как и сам спонтанный визит к любовнику жены. Мысль о том, чтобы уйти пока не поздно, вспыхнула и погасла. Здравый смысл уступил безрассудному гневу.

После нескольких длинных звонков, Бушинский нервно дернул за ручку. Раздался щелчок. Дверь оказалась... незапертой.

В тесной прихожей стояла вешалка, на которой висели зонтик и пара курток. Визитер топтался на пороге, ожидая реакции хозяина. В квартире было тихо. Готовность действовать вдруг испарилась, и Бушинский ощутил в груди неприятный холодок...

Татьяна выпила коньяка и легла в джакузи. Вода массажировала ее тело, помогая расслабиться. Она подложила под голову свернутое валиком полотенце и закрыла глаза. Казалось, что-то черное и страшное нависло над ней, и нет спасения от этой беды.

Ее связь с молодым актером не осталась незамеченной. Кто-то оказался умнее и хитрее, чем она. Догадался о ее встречах с Беспалым и установил в бухгалтерии скрытую камеру. Она совершенно случайно обнаружила эту штуковину, когда полезла на полку стеллажа за архивными документами.

– Черт... – выдохнула она. – Я пропала... Пропала!

Татьяна поняла свою ошибку. Она закрывала дверь в кабинете на второй замок только изнутри во время любовных свиданий. Уходя, она пользовалась первым замком, ключи от которого мог взять кто угодно.

Татьяна читала о шантаже в книгах, видела такое в полицейских сериалах. Но чтобы это приключилось в реальной жизни? И не с кем-нибудь, а с ней самой?!

– Боже... Я сошла с ума...

Поздно каяться. Надо принимать решение, как быть дальше. Рассказать все мужу? Заплатить вымогателю? А где гарантия, что запись будет уничтожена?

Шантажист пока не беспокоил Татьяну, но это могло произойти в любой момент. Нынче, завтра... в конце недели. От проблемы никуда не уйдешь, не спрячешься. Разве что сунуть голову в песок, как страус.

Татьяна перебирала в уме всех, кто мог желать ей зла. Перечень оказался длинным. Туда попали артистки театра, работники сцены, гример, который задолжал ей денег, костюмерша и даже режиссер. Директора она исключила. Вряд ли тот станет заниматься вымогательством. Он симпатизировал бухгалтерше, и она это чувствовала.

Ее отношения с коллективом казались дружескими. Кто-то прибежал перехватить тысячу до полочки, кто-то одалживал сумму побольше для какого-нибудь крупного приобретения. Татьяна отказывала крайне редко. Женщины шепотком обсуждали ее гардероб и завистливо вздыхали. В день рождения она приглашала всех в ресторан, выслушивала поздравления, комплименты, улыбалась и благодарила в ответ. Ей нравилось угощать богемную публику изысканными блюдами и блистать дорогими нарядами. Так она самоутверждалась и забавлялась. Должно быть, люди это чувствовали и недолюбливали ее.

Неужели кто-то из сотрудников театра отважился на шантаж? В отместку за неравные возможности, из ревности, наконец.

«С чего я взяла, что Гена привлек только меня? – размышляла она, прикидывая, кто из актрис мог претендовать на красивого провинциала. – Женщины коварны и непредсказуемы. Интересно, как долго стояла среди архивных папок чертова камера? Может, меня никто не собирается шантажировать!.. Запись делалась с целью мести, и видео просто отправят моему мужу. Если уже не отправили!»

– Что же будет? – простонала она. – Самсон меня убьет!

У нее заболела шея, и она поправила свернутое полотенце под головой. Вдруг ее посетила мысль, от которой она тихо вскрикнула. Компромат на нее добывал любовник! Чтобы она не вздумала прекратить его финансировать.

Татьяна привстала, вытерла руку, дотянулась до телефона и набрала номер Геннадия. В контактах он был обозначен как «косметолог» – из предосторожности. Она предусмотрела многое, да не всё.

Любовник не брал трубку. Гудки завершились предложением оставить запись на автоответчике. Татьяна повторила набор. Снова гудки.

Краем уха она уловила хлопок входной двери, поспешно отложила сотовый и легла в ванну, замирая от беспокойства. Обычно муж шумно топал и громко возвещал из холла: «Тата! Я дома!» На этот раз он вел себя непривычно тихо.

Дверь в ванную комнату была приоткрыта. Татьяна насторожилась. Что, если Самсон уже получил компрометирующую запись и намерен закатить скандал? Она не успела морально подготовиться.

– Милый, я здесь! – крикнула она.

Самсон не отозвался. Ей хотелось бы провалиться сквозь землю. Большая московская квартира, которой она так гордилась, теперь показалась ей западней.

Он знает! – пульсировало в ее висках. – *Знает! И горит желанием наказать меня!*

– Милый... это ты?

Глупый вопрос. Кто еще может ходить по квартире, если не хозяин? Домработницу она отпустила, а больше ключей ни у кого нет.

– Самсон!.. Я в ванной!..

Кто-то приблизился к двери. Татьяна ощутила ужас. Муж наверняка вне себя от ярости и готов на все. Он убьет ее! Заглушая накотившую панику, она крикнула:

– Входи, дорогой!..

Дверь распахнулась. От карающей десницы возмездия Татьяну отделяла шторка. Темный силуэт за ней поднял руки, и на неверную жену с шумом обрушились нагие восточные женщины, которые поливали друг друга из кувшинов. Татьяна успела подумать, что эту шторку она выбирала сама и отвалила за нее кругленькую сумму.

Плотная водонепроницаемая ткань облепила ее голову. Татьяна с плеском погрузилась в ванную. Кто-то не давал ей вынырнуть и глотнуть воздуха. Она пыталась закричать, позвать на помощь. Вода шумела и бурлила вокруг, шумела в ее ушах, в голове, во всем теле. Крик застрял в горле, сознание стало меркнуть...

– Ее топят! – выпалила Лариса, вскакивая и размахивая руками. – Она умирает!.. Ей нечем дышать!

– Кто топит? Кого?

– Я не знаю! Я думала о жене Бушинского...

– Ее утопили?

– Пока еще нет, но... – Лариса возбужденно вскочила и открыла окно. В кухню повеяло ночной прохладой. – Мне душно!

Она все еще ощущала чужое удушье, как собственное. Несколько глубоких вдохов, и ей полегчало.

– Фу-уу!.. По-моему, над этим семейством сгущаются тучи...

– Еще бы! Муж влюблен в какую-то неведомую Джейн, жена завела любовника. Все это сложно, запутанно.

Ренат готовил кофе. Они с Ларисой засиделись допоздна, обсуждая провал *удаленного созерцания* и прочих «примочек» Вернера, которые пытались применить к делу Бушинского. Ничего не прояснялось. Джейн Рейли осталась неуловимой, клиент пропал. Он так и не позвонил, хотя на сегодняшний вечер был назначен отчет «виртуальных аналитиков» о проделанной работе.

– Хорошо, что он не вышел на связь, – обрадовался Ренат, когда условленное время миновало. – Нам нечего ему докладывать.

– Мы теряем квалификацию? – хмурилась Лариса. – Или нас ввели в заблуждение?

– Какой смысл Бушинскому платить кучу бабла, чтобы кто-то копался в заведомой лжи?

Ренат отхлебнул кофе и предложил Ларисе.

– Выпей, взбодрись.

Она качнула головой и закрыла глаза.

– Я чувствую Бушинского... Он колесит по городу. Злой, как черт. Просто пышет яростью и страхом.

– Один?

– Да, в своей машине.

– Почему не едет домой? Ищет загадочную Джейн? Надеется встретить ее на ночных улицах?

– Не могу понять, что его гложет. Он в бешенстве.

– Завтра мы идем в театр, – напомнил Ренат. – На «Проделки Амура». В главной роли некий Степанов. Это не тот, у которого шапши с бухгалтершей?

– Конечно, нет. Любовник Бушинской – молодой актер, которому надо дорасти до главных ролей. Но в «Проделках Амура» мы должны его увидеть.

– В массовке?

– Театр «Тет-а-тет» не задействует массовку. Они ставят камерные спектакли, и труппа у них небольшая.

– Надо познакомиться с ними поближе.

– А я бы заглянула в редакцию «Бальзаковского возраста».

– Отличная идея, – без энтузиазма кивнул Ренат.

– К нам обратился Самсон Карлович, а не его супруга, – заметила Лариса. – Так что кроме театра придется зайти к сотрудникам журнала. Кстати, ты до сих пор не дочитал историю Джейн. Терпения не хватает?

– Жаль тратить время на чепуху. Вся эта беллетристика не имеет отношения к реальной

судьбе реального человека.

Лариса вздохнула и снова сосредоточилась на Бушинском. Он мчался по освещенному проспекту, вел машину на автопилоте. Его мысли были заняты...

– Труп! – вырвалось у нее. – Он кого-то... убил?!

Ренат жевал печенье и поперхнулся.

– Кто? – закашлялся он. – Наш коммерсант?.. Совершил убийство?

– У него перед глазами какое-то мертвое тело...

– Ты шутишь?

– Если бы! – заволновалась Лариса. – Бушинский не звонит нам, потому что... потому...

Он в панике! Он ничегошеньки не соображает... и может попасть в аварию...

– Он жену убил? Утопил в ванне?! Недаром ты говорила...

– Скоро он будет здесь! – выпалила Лариса. – Куда еще ему ехать?

Аппетит был испорчен. Ренат допил кофе и обреченно вздохнул. Стрелка на часах приближалась к полуночи.

– Поспать нынче не удастся...

– Я чувствовала, что добром это не кончится, – запоздало призналась Лариса. –

Рукопись Джейн нужно читать между строк.

– Как это?

– Бушинский едет к нам, – невпопад сказала она. – В офис!

– Он решил, что мы работаем круглосуточно?

– Он в невменяемом состоянии, Ренат. Мы обязаны его выслушать.

Лариса начала собираться. Вернер поступил очень мудро, поселившись рядом с помещением бывшего клуба. Она оценила его предусмотрительность.

Через четверть часа они с Ренатом расположились в зале для медитаций, где в прошлый раз беседовали с господином Бушинским. В углу горел желтый торшер, пахло сандаловыми углями...

– Я не убивал! Это сделал кто-то другой! Меня подставили!

Коммерсант был не похож на себя. Куда девался представительный, знающий себе цену мужчина? Вместо него по залу метался растерянный напуганный человек. Он искал доверия и сочувствия, а наткнулся на пронизывающие взгляды и холодные лица.

– Вам известно, который час? – осведомился Ренат.

– Нет! Мне не до этого... К черту часы!.. Вы обещали помочь!.. Я вам заплатил!

– Вы платили за виртуальный анализ, а не за уголовщину. Мы не покрываем преступников.

– Какая уголовщина? По-вашему, я убийца? Мне позвонили и дали адрес любовника жены! Я поехал к нему...

– Зачем?

Бушинский смешался. Действительно, зачем ему понадобилось тащиться на другой конец города? Чтобы посмотреть на альфонса, который соблазнил Татьяну? Вот и посмотрел...

– Не для того, чтобы убить этого мерзавца. Клянусь, я пальцем его не тронул! Он уже был мертв, когда я... когда...

– Вас обуял гнев, – сказал Ренат. – А в гневе человек не отвечает за свои поступки.

– Я не был в состоянии аффекта. По дороге в Ясенево я... успокоился.

– Вы не успокоились, – возразила Лариса. – Наоборот, всю дорогу вы накручивали себя.

Бушинский схватился за голову и сделал круг, обогнув курильницу на треноге. На рукаве его светлой рубашки виднелось бурое пятно. «Кровь», – догадался Ренат.

– Сядьте, Самсон! – приказал он. – У меня в глазах рябит от вашей беготни!

– Я весь на нервах...

Все же Бушинский плюхнулся в доставленное накануне из мебельного магазина кресло и злобно уставился на Рената.

– Объясните, что происходит. Меня хотят упечь за решетку? Кто?

– Мы еще не выслушали вашу версию, – улыбнулась Лариса.

Лучше бы она оставалась серьезной. Ее улыбка подействовала на клиента как красная тряпка на быка.

– Версию?! – взревел он. – Вам нужны какие-то версии? Вы рехнулись, барышня!..

– Но-но! Попрошу без оскорблений, – напрягся Ренат. – Иначе я выставлю вас вон, милейший, и на том нашему сотрудничеству конец.

Бушинский с трудом подавил негодование и извинился. Его трясло. Ни разу в жизни он не попадал в подобную переделку. Он был в отчаянии.

– Когда я поднялся в квартиру, этот... хлыщ... был уже мертв.

– Откуда вы знаете?

– Он не дышал...

– Вы проверяли пульс?

– Он лежал в луже крови... Его зарезали, как свинью! Нож торчал у него в шее...

– Вероятно, нож повредил артерию, – сказала Лариса. – Крови было много?

– Прилично... Я оторопел. Потом наклонился над ним... Мне казалось, это страшный сон!.. Сейчас я проснусь и окажусь у себя в спальне, рядом с женой...

– Но сон продолжается?

– Надеюсь, это так и есть...

– Во сне вам нечего бояться, Самсон. Признайтесь, за что вы убили этого молодого человека? Он ведь молод, верно? Хорош собой?

– Сопляк, – кивнул гость. – Наглый щенок. Я бы с удовольствием прикончил его... если бы убедился, что... Я хотел поговорить с ним начистоту, как мужчина с женщиной! Дать ему в морду, в конце концов! Он не просто... спал с моей женой. Он еще и залез в мой карман!.. Татьяна давала ему деньги, это ясно. Откуда у него средства на аренду такого жилья?

Бушинский невольно повторял слова «доброжелателя». Лариса уловила этот нюанс и заметила:

– Вас могли обмануть.

– Меня заманили в эту чертову квартиру! Специально, чтобы... обвинить в том, чего я не совершал. Выходит, у меня есть лютейший враг... а я понятия не имею, кто он...

– Вы даже не знаете точно, был ли покойный близок с вашей женой. Это всего лишь чьи-то слова.

– Да...

– Должен вас огорчить, – вмешался Ренат. – У вашей жены в самом деле был любовник. Но ведь и вы полюбили другую?

Бушинский опустил голову и вяло кивнул. Он чувствовал: «доброжелатель» не солгал.

– Во мне выиграло чувство собственника. После нескольких лет супружества мы с женой охладели друг к другу. Я пару раз переспал с другими женщинами. Думаю, она имела право отплатить мне тем же. Но спутаться с сопляком, содержать его на мои деньги – это уж слишком.

– Она могла тратить на любовника собственные средства.

– Зарплату бухгалтера? – усмехнулся Бушинский. – Этих денег ей едва хватало на шпильки. Я только теперь понял, почему Татьяна держалась за свою никчемную работу. Это развязывало ей руки! Давало место и время для секса на стороне. Она вращалась в богемной среде и невольно прониклась их растленной моралью. Вернее, отсутствием морали. Я презираю актеров и не стремлюсь общаться с ними! Татьяна умело пользовалась моими промахами. Молодец...

– Вы говорите о жене в прошедшем времени. Почему?

– Потому что наш брак был ошибкой, которую я намерен исправить.

– Вы примете радикальные меры?

– Я не сторонник половинчатых решений.

– Значит, вашей супруги уже нет в живых? – прищурился Ренат. – Изменница наказана, ее любовник мертв.

Бушинский дернулся, как от удара, и побледнел. У него пропал дар речи.

– Сначала вы зарезали соперника, потом утопили неверную жену, – добавила масла в огонь Лариса.

– У... утопил?..

– Не разыгрывайте сцен, Бушинский.

– Я... я... – Он судорожно вздохнул и схватился за сердце. – С чего вы... взяли...

– Компьютерная модель открыла нам глаза, – забавлялся Ренат. – Мы ввели некоторые данные и получили прогноз вашего поведения на ближайшие трое суток. *Виртуальный анализ!*

– У вас... сбой программы... – выдавил коммерсант. – Нужна п-перезагрузка...

Он забыл, что изначально интересовался личностью Джейн и хотел разобраться в своих чувствах. Убийство жениного любовника перечеркнуло все, что было для него важным вчера.

– Вы влипли, Самсон, – подытожила Лариса. – Вам лучше рассказать нам всё, без утайки...

* * *

Деревня Трошино

Ступников поливал траву на теннисном корте, когда ему позвонили.

– Ты? – удивился он.

– Не рад? – отозвался женский голос в трубке. – Открывай, я стою у калитки.

– Я же просил предупредить заранее...

– Экстренные обстоятельства. Давай, не тяни, а то соседи увидят. Собаки подняли лай на всю улицу. Слышишь?

– Они каждый велосипед облаивают.

В вольере проснулись ротвейлеры и присоединились к собачьему хору.

– Цыц! – гаркнул на них Ступников, отключил оросительную систему и пошел к калитке.

– С приездом! К добру ли?

– Ты один? – спросила женщина, ступая по вымощенной плитками дорожке.

– Кому тут еще быть-то? Хозяин занят работой, а хозяйка сюда вовсе не заглядывает.

Женщина остановилась, прильнула к нему и поцеловала в щеку.

– У, неряха! Опять щетину отрастил! Колется.

– Если б знал, что ты пожалуешь, побрился бы.

– Горничная сегодня придет убирать?

– Она вчера была. Что случилось, Настя?

– Идем в дом, расскажу. Жарко...

Гостья была в светлом платье и солнечных очках. Лицо закрывала шляпа с широкими косыми полями.

– Предусмотрительно, – оценил шляпу Ступников. – Умная ты баба, только настырная.

Тебя в редакции не хватятся?

– Я взяла отгулы. Лето все-таки.

Ступников впустил ее в дом и провел в просторную кухню-гостиную. Достал из холодильника минералку.

– Так что случилось? Не томи.

– Соскучилась, Аркаша! Сил нет терпеть!

Она сняла шляпу, очки и прижалась к нему горячим телом. На кухонном диване они с трудом поместились вдвоем. Молния на ее платье не поддавалась, и Ступников просто поднял юбку, просунул руку и потянул вниз кружевные трусики...

Настя не любила долгих прелюдий, и он это знал. Быстрое возбуждение захватило обоих. Когда они насытились друг другом, любовница отправилась в душ. Аркадий отдышался и полез в холодильник за водкой. Желание схлынуло, и к нему вернулся здравый рассудок. Вот так внезапно, без предварительной договоренности Настя еще не приезжала.

Он стоя глотнул водки, закусил долькой лимона и подкрался к двери в ванную комнату. Шумела вода, пахло ромашковым гелем, которым обычно пользовался хозяин. «От него не убудет», – подумал Аркадий, прислушиваясь к своему учащенному сердцебиению. Это не только последствия страсти, но и смутное беспокойство. Он ощутил его с самого утра, едва проснувшись.

Настя выключила воду, и он на цыпочках вернулся в кухню. Нельзя, чтобы она застала его под дверью. Было душно. Даже сквозь опущенные жалюзи в окна проникала августовская жара.

– А вот и я!

Гостья с заколотыми на затылке медными волосами, совершенно голая, уселась на диванчик, где они недавно наслаждались близостью, и заложила ногу на ногу. Она не стыдилась своей наготы.

– Прикройся, – буркнул Аркадий. – Женщина должна быть скромной.

– Неужели?

– Что всё-таки произошло? – в третий раз спросил он, предчувствуя недоброе.

– Гена мертв...

Москва

Бушинский добрался домой под утро, издерганный и уставший. Его терзали смутные ощущения непонятной природы. Ренат и Лариса казались ему странными, подозрительными типами. Он вспоминал разговор с ними, как дикий и страшный сон.

Ренат спросил:

– Видел ли кто-нибудь, как вы входили в квартиру убитого?

Бушинский солгал. Не нарочно. Он был так потрясен случившимся, что забыл о пожилой даме, которая ехала вместе с ним в лифте. Правда, она вышла раньше, но...

– Не хитрите, – рассердилась Лариса. – Я знаю о женщине с сумкой. От нее пахло рыбой...

– Простите, – поразился Бушинский. – Как вы догадались?! Я не хитрю. Просто у меня вылетела из головы и дама, и ее сумка с рыбой. Это... невероятно.

– Значит, есть свидетель вашего визита к убитому. Плохо!

– Хуже некуда, – кивнул он.

Его ум кипел, не в силах обработать полученную информацию. Эти двое умеют заглядывать в чужую память? Он не понимал, чего они от него добиваются. Требуют в чем-то признаться.

– Я ничего не скрываю, – доказывал Бушинский.

Лариса сжалась над ним.

– Он не лжет, – заявила она. – Вероятно, он заблуждается. Это разные вещи.

– В чем же состоит ваше заблуждение, господин Бушинский? – хмурился Ренат.

– Если бы я знал! До сих пор я считал, что у меня нет врагов...

– А конкуренты по бизнесу?

– Они не стали бы плести интриги. Поступили бы проще и надежнее. Заказ, меткий выстрел, и нет человека. От тюрьмы я еще могу откупиться, а от смерти – вряд ли.

– А ваша жена? Может, она хотела упечь вас за решетку?

– Хотела? Вы всерьез полагаете, что она... что ее...

На лбу коммерсанта выступила испарина. Он вспомнил о пенсионерке, которая везла в сумке рыбу, и споткнулся на полуслове. Ему было невдомек, как Лариса это проделывает.

– Утром Тата была жива! Клянусь вам! – выпалил он. – Мы позавтракали, потом я уехал в офис, она отправилась на работу. Больше мы не виделись! Вечером я поехал к этому... Геннадию Беспалому. «Доброжелатель» сообщил мне его имя и адрес. Я позвонил в театр и получил подтверждение: у них есть такой актер. Все сошлось! В меня будто бес вселился.

Вел машину как в бреду. Убейте, не помню, как я нашел улицу, дом...

Лариса и Ренат молча переглянулись. Она пожалала плечами, он рассердился.

– Вы должны мне верить! – не выдержал Бушинский. – Будь я преступником, не приехал бы к вам среди ночи, чтобы нести всякую околесицу! Зачем мне рассказывать вам о трупе?

Он был так возбужден, что попросил коньяку.

– Вы за рулем? – спросил Ренат, глядя, как он глотает спиртное.

– Ничего, доеду как-нибудь...

– Я вызову вам такси. За домом есть стоянка. Оставьте машину там, а завтра заберете ее.

У Бушинского не хватило сил спорить. Он сдался. Его разморило от коньяка, голова закружилась.

На обратном пути, сидя в такси, он мысленно продолжал убеждать двух в сущности незнакомых людей в своей невиновности. Ему важно заручиться их поддержкой. Оставаться наедине со своими проблемами было не вмоготу.

– Приехали, – объявил водитель.

Пассажир выглядел взвинченным, на лице – красные пятна. Вроде приличный человек, а глаза стеклянные. Может, наркоман?

– Ваш дом? – водитель тронул его за плечо. – Выходить будете?

– А!.. – встрепенулся Бушинский и полез в карман за деньгами. – Держи. Сдачи не надо.

– Спасибо...

Таксист проводил его недоуменным взглядом до парадного. Стремный тип! Похож на зомби.

Бушинский поднялся в лифте на пятый этаж, переживая дежавю. Правда, на сей раз в кабине не было ни пенсионерки, ни запаха рыбы. У двери в собственную квартиру его объяла жуть. Не дай бог, слова Ларисы о его жене... оправдаются.

– Я никого не убивал, – повторял он как мантру. – Не убивал!

Эта мантра пугала его. Он терял уверенность в себе, терял связь с реальностью. Как будто заблудился в тоннеле между похожими мирами. В его прежнем мире все было понятно и просто. А в этом, почти таком же, на каждом шагу подстерегают неведомые опасности.

Бушинский глубоко вздохнул и сунул ключ в замочную скважину. Щелк!

В холле пахло духами Татьяны, на стене тикали ее дурацкие часы с маятником. По времени она должна чистить перышки, собираться на работу.

«Я не ночевал дома, а она даже не позвонила мне! – похолодел Бушинский. – Небывалое дело!»

– Тата! – крикнул он, топчась у порога. – Я дома!

Ответа не было. В кухне не звенела посуда, не шумела вода в душе. Жена не напевала глупую песенку, подкрашиваясь перед зеркалом.

– Тата!!!

Он сделал шаг вперед и остановился. Что-то не пускало его пройти по коридору, заглянуть в комнаты, проверить, все ли в порядке.

– Боже...

У Бушинского подогнулись колени. Он усилием воли заставил себя переставлять ноги, словно налитые свинцом. В кухне никого не было, в гостиной и спальне тоже. В ванной царил разгром, будто тут происходило сражение. Пол мокрый, в джакузи вода, на дне что-то темнело...

Он наклонился и в ужасе отпрянул. Под водой лежал смартфон жены. Оборванная

шпорка валялась рядом...

Бушинский не верил своим глазам. На крючке висел домашний халат Татьяны, под ним блестели бисером ее тапочки. Полотенце лежало на полу...

Хозяин попятился. Он опомнился, когда уперся спиной в стену коридора.

– Тата!.. – вырвалось у него. – Ты меня... бросила?

Он обошел всю квартиру. Вместе с женой исчезла ее сумочка. По крайней мере, одной сумочки он не досчитался...

* * *

– Что ты об этом скажешь?

– Нелепую историю поведал нам Самсон Карлович, – констатировал Ренат.

– У него была кровь на рукаве. Заметил?

– Еще бы!

– Он мог измазаться, когда наклонялся над трупом, – предположила Лариса. – Или когда убивал.

– Чтобы полностью воссоздать картину убийства, надо ехать на место происшествия. Я вижу только две размытые фигуры... Борьбы не было. Актер не сопротивлялся, потому что... не ожидал нападения?

– Вряд ли это сделал Бушинский. Какой ему резон самому навлекать на себя подозрения? Мог бы промолчать.

– Согласен, – кивнул Ренат и посмотрел на часы. – Он уже дома. Должен позвонить с минуты на минуту и сообщить, что с его супругой. Боюсь, новости будут неутешительные.

При мысли о Татьяне Бушинской Лариса ощутила слабые признаки удушья и кашлянула.

– Мы обещали ему помощь. Он надеется на нас. Думаешь, он попал в неприятности из-за Джейн?

– С этой Джейн все так смутно...

– Ты до сих пор не прочитал рукопись! – возмутилась Лариса.

– Уволь, – скривился Ренат. – Женская проза не для меня. Я засыпаю на первой же странице.

– Ну да! Тебе нужен адреналин! Скоро ты его получишь.

– Звучит заманчиво...

Лариса постукивала пальцами по подлокотнику кресла. Ей передалось волнение Бушинского. Она уже была готова звонить первая, когда раздался сигнал сотового.

– Это я! – прозвучало в трубке. – Решил не рисковать и воспользоваться таксофоном. Спустился ради этого во двор.

– Бойтесь, что вас прослушивают? – усмехнулся Ренат. – Зря. Вы еще не попали в список подозреваемых в убийстве актера Беспалого.

– У вас черный юмор...

– Я не шучу. На рукаве вашей рубашки – кровь жертвы, и мотив налицо.

– Рубашку я снял и выбросил в мусорный бак в чужом дворе, как вы советовали...

– Что с вашей женой? – перебил Ренат.

– Татьяны нет дома. А в ванной...

Он рассказал, какую обстановку застал в квартире.

- Я не знаю, где моя жена. Ее смартфон упал в воду и сломался. Как с ней теперь связаться? Может, она на работе... но...
- Вы боитесь звонить туда?
- Честно говоря, да! Я ума не приложу, что могло произойти в мое отсутствие.
- Наведите в ванной порядок и поезжайте в офис. Ведите себя как ни в чем не бывало.
- Ты понимаешь, что мы становимся сообщниками Бушинского? – прошептала Лариса.
- А если Татьяна... не вернется? – хрипло спросил тот. – Вы говорили, ее может не быть в живых...
- Как же она тогда покинула квартиру?
- Вы правы. У меня голова идет кругом от всего этого!..

Деревня Трошино

Ступников возился с собаками, а гостья загорала в саду. Она расположилась так, чтобы не попасться на глаза соседям. Хотя дома на улице стояли в отдалении друг от друга, лучше было не рисковать.

– Аркаша! – лениво позвала она. – Принеси мне воды!

Ступников не слышал. Он размышлял о смерти Беспалого. Страсть к женщине не превращала его в болвана, которым можно вертеть как угодно. Он не доверял Насте и знал, что она не доверяет ему.

– Аркаша-а!..

Наконец она добилась своего. Любовник сходил в дом и принес ей колы со льдом.

– Признайся, ты его убила? – спросил он, присев на корточки рядом с лежаком.

Настя приложила губами к торчащей из стакана трубочке, чтобы взять паузу.

– Ты его убила?! – нетерпеливо повторил Ступников. – Какого черта? Ты все испортила!

Она утолила жажду и погладила его по плечу.

– Не кипятись, милый. Чему быть, того не миновать.

– Значит, ты!

– Конечно же нет! Не-е-ет! Мы заранее созвонились, я пришла за деньгами. Когда я его увидела, он был уже... Кровища вокруг, а он лежит с ножом в шее. Я чуть в обморок не грохнулась рядом...

– Что теперь делать?

– Ждать.

– Пока за тобой придут?

– Кто придет? Меня там никто не видел. Дверь в квартиру была приоткрыта. Я позвонила, потом вошла... Бедный Гена! Не успел сполна вкусить столичного кайфа.

– Ты ничего от меня не скрываешь?

С этими словами Ступников крепко сжал ее руку, Настя обиженно вскрикнула.

– Тише! Не ори, будто тебя режут!

– Мне больно...

– Ты любишь, когда тебе причиняют боль, – прошептал он и приник к ее губам. –

Любовь зла!

Стакан с колой упал на траву, лед вывалился. Когда Настя была готова отдаться, Ступников отпустил ее и поднялся на ноги.

– Ты куда?

– К собакам. Они требуют моего внимания.

– Сволочь!

– Не отрицаю, – на ходу бросил Ступников, шагая к вольеру. – Отдыхай, милая!

– Сволочь! – со слезами в голосе повторила Настя. – Зачем я только с тобой связалась?!

Она отлично знала, что привлекало ее в Аркаше. Сексуальная сила. Не каждый мужчина мог удовлетворить ее чувственность, а у него получалось. Он был неутомим в постельных играх, так же как и она.

Настя вытянулась на лежаке и закрыла глаза. Нет так нет. Она возьмет свое после ужина. Наверстает упущенное.

Над головой висели на ветках яблоки с красноватыми бочками. Твердые и кислые, недозрелые. Она с наслаждением вдыхала их запах, представляя себя Евой в Эдеме. Никуда Адаму от нее не деться...

* * *

Москва

Лариса пересказывала историю Джейн со странным ощущением какого-то несоответствия. Изложенные события казались нелогичными. Для художественной литературы это нормально, но для подлинного жизнеописания – не совсем.

– Не понимаю, что здесь не так! – воскликнул Ренат.

Он внимательно слушал, в отличие от прошлого раза, когда большая часть повествования была пропущена мимо ушей.

По мере развития отношений русской переводчицы Лизы и британского подданного, поступки последнего становились все более абсурдными.

– Что-то сдвигается в моем сознании. Меня жутко колбасит.

– Я чувствую то же самое, – призналась Лариса. – Нельзя назвать это вымыслом, нельзя и за правду принять.

– Правда и ложь – понятия относительные, как говаривал наш гуру Вернер.

– Нам нужна не философская, а практическая оценка содержания рукописи.

– Ну, если практическая... то многое в тексте не стыкуется. Сомнительно выглядит внезапный приезд Чарльза к отвергнутой ранее возлюбленной. Он не писал, не звонил и вдруг свалился, как снег на голову, в подмосковный поселок. Да еще и остался жить в деревянном сельском доме без удобств! Это после Лондона! Любовь, конечно, великая сила, но где же она была раньше?

– Джейн пишет, что ее мать тоже задавалась этим вопросом и даже осмелилась спросить у Чарльза. Тот отвечал путано и свел все к борьбе с собственными чувствами. Этим-де объясняется его поступок! Желанием покончить с бесперспективными, по его мнению, отношениями. Когда он осознал, что не может жить без Лизы, то действовал импульсивно, поддавшись душевному порыву. Уволился с работы, прилетел в Москву и нашел возлюбленную по адресу в записке, которую та при расставании сунула ему в карман брюк.

– Я бы ему не поверил!

– Ты не женщина.

Лариса живо представила восторг отчаявшейся Лизы при виде respectable британца на пороге своего скромного домика. Разумеется, она ему поверила. Потому что больше всего на свете *хотела* верить.

– И что же? – ухмыльнулся Ренат. – Они начали жить припеваючи... на зарплату поселковой учительницы? Смешно, ей-богу!

– Чарльз получал какие-то деньги в банке, фунты стерлингов. Молодые ни в чем себе не отказывали. Не шиковали, но и не сэкономили на бытовых нуждах.

– Значит, британец поставил крест на своей карьере? Он не собирался возвращаться в Лондон?

– В рукописи об этом ни слова. Через полгода Лиза обнаружила, что беременна, и объявила об этом сожителю.

– А он, вопреки ее ожиданиям, не обрадовался?

– Угадал, – улыбнулась Лариса. – От огорчения он забыл предложить Лизе вступить в законный брак. Она вынуждена была сама намекнуть, что ребенку нужна полноценная семья.

– И Чарльз побил свою беременную подругу!

Перед внутренним взором Рената разворачивалась любовная драма обманутой женщины и коварного ловеласа, который оказался не тем, за кого себя выдавал.

– Жестоко, да?

– Чарльз был в бешенстве...

– Ребенок не входил в его планы! Он прикатил в поселок вовсе не из-за любви. Хотя... *черт знает, зачем он прикатил!*

Ренат задумался. Все было так и не так... Лиза и Чарльз казались героями несколько иной пьесы. Похожей на то, что писала Джейн. *Похожей, но не идентичной.*

Чарльзу было плевать на ребенка. Он наотрез отказался жениться на Лизе, но продолжал жить с ней. Рук больше не распускал, однако Лиза уже не любила его, как прежде. Девочка родилась слабенькая, забот прибавилось, а Чарльз начал надолго отлучаться из дому. Сначала редко, потом чаще. Где он бывал, Лиза не допытывалась. Боялась, что он разозлится и бросит ее.

Британский клерк перестал притворяться. Он сбросил фальшивую личину за ненадобностью. Лиза была полностью в его власти. Она зависела от него. Больной ребенок приковал ее к дому. Она нуждалась в помощи.

Работу в школе ей пришлось оставить. Лиза сидела с дочерью, а Чарльз куражился над ними обеими. Не удивительно, что Джейн с детства невлюбила его. В рукописи она признается, что ненавидела Чарльза и не называла его отцом. Отношения в семье совершенно разладились. Но Лиза не могла выгнать сожителя, ведь он содержал ее с дочерью, оплачивал лечение.

- Странный союз... – обронил Ренат.
- Жизнь вообще странная штука.
- Н-да. Интересно, где сейчас жена Бушинского?.. На том свете?..

Алина не узнавала шефа. Он приехал в офис с большим опозданием. На нем лица не было. Он говорил невпопад, отказывался отвечать на звонки и принимать сотрудников.

Секретарша боялась сказать лишнее слово, чтобы не вызвать огонь на себя. Ближе к обеду она решилась предложить Бушинскому кофе.

– Неси, – буркнул тот, не удостоив ее взглядом.

Алина робко переступила порог его кабинета и застыла. Шеф не замечал ее. Он смотрел мимо, куда-то в угол, где зеленела китайская роза в горшке.

– Самсон Карлович...

– Чего тебе?

Он забыл о кофе, забыл обо всем, кроме одолевающих его мыслей. Секретарша мешала ему сосредоточиться, и это раздражало.

«Наверняка тело альфонса уже обнаружено», – думал Бушинский. Ему представлялся то мертвец в луже крови, то оборванная шторка в ванной комнате, то двое чудаковатых людей, которые задавали ему нелепые вопросы.

«Что теперь будет? – гадал он. – Чем все это кончится?»

Он не мог позвонить жене, потому что ее смартфон утонул в джакузи. В театре ему сообщили, что Татьяна сегодня не вышла на работу, вероятно, заболела. Волосы шевелились на голове Бушинского, рубашка промокла от холодного пота.

– Ваш кофе, Самсон Карлович...

Он поднял глаза и уставился на секретаршу. Что она здесь делает? Кто ее звал?

– Выйди!

Это было сказано таким тоном, что Алина пулей вылетела за дверь, пошатнулась и уронила поднос. Чашка разбилась, кофе вылился, на ковровом покрытии растеклось коричневое пятно. Девушка чуть не расплакалась. Хотела как лучше, а получилось...

Пока она замывала пятно на полу, Бушинский написал Джейн. Его знакомый хакер выяснил, откуда она отправляет свои сообщения. Оказалось, из разных интернет-клубов.

– Шифруется, – пробормотал Самсон Карлович. – Сколько можно водить меня за нос? Я ведь не мальчик.

Он по опыту знал, что ответ придет не скоро. Видимо, Джейн посещала клубы раз или два в неделю. Тогда и поступали сообщения от нее. Даже если в заведениях установлены камеры, неизвестно, как выглядит госпожа Рейли.

– Я бы узнал ее... узнал бы...

Бушинский вспомнил молодую даму, которая прошла мимо него в театральном фойе. В сознании всплыла ее фигура в облегающем красном платье и мягкие темные локоны. Но черты лица остались «за кадром».

– Черт!..

Ужасный вечер и бессонная ночь вымотали его. Голова раскалывалась, в груди саднило. Бушинский набрал номер Ступникова, который жил в его загородном доме на правах управляющего и сторожа. Будучи приятелями, они вместе открывали первый продуктовый лоток на рынке. Потом Аркадий бросил бизнес, развелся с женой, они делили квартиру, и Бушинский предложил ему на время переехать в Трошино. Как-то само собой вышло, что безработный приятель согласился присматривать за домом, кормить собак, ухаживать за садом и теннисным кортом. Самсон тогда искал человека, которому мог бы доверить свою усадьбу на Клязьме.

– Привет, – лениво протянул управляющий.

– Как у тебя дела? Всё в порядке?

– Да. Погода отличная, я лодку приготовил, удочки, червей накопал. Жду тебя на рыбалку в выходные.

– Заманчиво. Но вряд ли получится.

– Жаль. Последний месяц лета пошел, золотые деньки. Пропустишь – пожалеешь!

Бушинскому показалось, что голос управляющего звучит фальшиво. Тот вовсе не рад звонку и тем более не будет рад приезду хозяина. А может, просто не в настроении.

– Дела навалились, Аркаша, – вздохнул он. – Надо быть на месте.

– Выгодный контракт?

– И это тоже. В городе духота, пылица. Я бы с удовольствием порыбачил, но...

– Вот так жизнь и проходит, в суете, в спешке. Не успеешь оглянуться, а за тобой старуха с косой явилась. Пора, соколик! Собирайся, подводи итоги!

Бушинский хотел спросить его о Татьяне так, чтобы это выглядело естественно.

– Верно говоришь. Кстати, к тебе моя супруга должна наведаться.

– С какого перепугу? – хохотнул Ступников. – Она же морские курорты предпочитает.

– А в этом году решила недельку провести на реке.

– Неужели? Не верю своим ушам, – ерничал Аркадий. – Ладно, заметано. Пусть приезжает. Я ее научу удить.

– Вряд ли.

– Тогда остается теннис. Мы с тобой давно не играли. Может, Татьяна составит мне компанию?

– Она играет из рук вон плохо.

– Ничего, я тоже не чемпион...

Бушинский раздраженно слушал болтовню управляющего.

– Прости, Аркаша, ко мне пришли, – дождавшись паузы, выставил он. – Я перезвоню...

Злость на Татьяну сменилась растерянностью. Прежде чем заявлять в полицию о пропаже жены, надо поискать ее самому. Куда она могла податься? К подруге? У нее нет подруг. К матери?

Мысль о теще могла бы прийти раньше!.. Бушинский набрал ее номер и сразу спросил:

– Тата у вас?

– Это ты, Самсон? Что случилось?

– Тата у вас? – нервно повторил он.

– Нет!.. Господи! – запричитала ее истеричная мамаша. – Ты меня пугаешь!

– Не волнуйтесь. Вероятно, она задержалась в гостях, телефон разрядился.

– Задержалась?! Она что же... не ночевала дома?

– Да ночевала, ночевала...

Он не продумал заранее разговор, а импровизация никогда не была его коньком. Ляпнул не то, и понеслось. Не признаваться же, что он сам провел ночь в другом месте?

– Ты от меня что-то скрываешь! – заголосила теща в трубку. – Вы с Таточкой поссорились? Она такая ранимая, обидчивая. Бог знает, что она может с собой сделать!..

Бушинский сделал опрометчивый шаг, но избежать его не было никакой возможности.

Теща рыдала в трубку и требовала немедленно поднимать на ноги полицию. Она смекнула, что без насущной необходимости зять бы ей не звонил. Она давно не говорила по телефону с Самсоном – только с дочерью.

– Что там у вас произошло? – подвывала теща. – Ой, горе мне! Таточка скрытная, все молчком да молчком! Лишнего слова не вытянешь!.. А ведь я мать! Я плохого не посоветую...

Бушинский поморщился и положил трубку на стол. Выслушивать причитания тещи было выше его сил...

* * *

Зал в театре «Тет-а-тет» был небольшой, уютный. Зрители обмахивались программками и восторженно аплодировали. На сцене творилось нечто невообразимое.

– Ну и пьеса! – прошептал Ренат на ухо Ларисе. – Сплошной бред с претензией на эротику. Полная безвкусица.

Полуголый волосатый Амур лет тридцати скакал вокруг длинных худющих барышень. Те отпускали двусмысленные реплики, а их жесты граничили с непристойностью.

– Отвратительные ужимки и скабрзные шуточки, – ворчал Ренат.

– Пошлятина, – согласилась Лариса. – Но в зале – аншлаг!

Она надела в театр дорожущее платье от Версаче, радуясь поводу показаться в нем на публике. Ренат добродушно подшучивал над ее страстью к нарядам.

Они не досмотрели первое действие и вышли под шиканье публики. В фойе работал миниатюрный буфет. Кофе, бутерброды, мороженое. Буфетчица предложила на выбор шоколадное или фруктовое.

– Нам шоколадное, – заявил Ренат, не дав Ларисе и рта раскрыть.

За едой она сказала:

– Спектакль не отменили в связи со смертью артиста. Роль Беспалого так ничтожна, что его отсутствие на сцене практически незаметно.

– Он не хватал звезд с неба.

– Я спросила у билетерши насчет Татьяны Бушинской. Ее в коллективе не жалуют. В глаза заискивают, а за глаза постоянно перемывают кости. Зависть! Кстати, сегодня бухгалтерши в театре не было. Предполагают, что она заболела.

– Ее не травили открыто лишь по одной причине: она ссужала сотрудников деньгами когда угодно и без волокиты. Тот же кредит, только более выгодный, чем в банке. Никаких процентов, и условия возврата мягкие.

Атмосфера театра была пропитана духом соперничества и взаимной враждебности. Настоящее осиное гнездо, которое разворошить – раз плюнуть. Пьесы наподобие «Проделок Амура» давали сборы, но не приносили творческого удовлетворения.

Поглощая мороженое, Лариса и Ренат обменивались впечатлениями.

– Режиссер спит с главной героиней...

– Он взъелся на Беспалого, почуяв в нем конкурента. Парень был красавцем, поэтому его шансы сделать карьеру в этой труппе равнялись нулю.

– Вряд ли покойник обладал талантом...

– Это не важно! К славе порой ведут извилистые тропки.

– Молодые актрисы имели виды на новичка...

– А тот оказался неожиданно крепким орешком!

– На самом деле его «неприступность» объясняется просто: актер был занят в роли любовника бухгалтерши, которая хоть и не первой свежести, зато при деньгах.

– Кто из нас циник? – усмехнулся Ренат. – Ты или я?

Приближался антракт. Лариса взглянула на часы и призналась, что ей не хочется возвращаться в зал и досматривать эротическую муть.

– Причина смерти Беспалого не связана с театром, – заключила она. – Его убили не из ревности или зависти. Тут кроется что-то другое.

Ренат дотронулся пальцем до своего лба и сказал:

– У меня здесь – хаос. Я не знаю, как прояснить ситуацию. Может, напроситься к Бушинскому в гости? На месте мы получим больше информации.

– О том, что случилось с его женой?

– Я не вижу ее мертвой... Но сказать, где она, пока не могу.

– Ее чуть не утопили в собственной ванне, – заключила Лариса. – А потом...

Она пожала плечами и замолчала, доедая мороженое. Оно, в отличие от спектакля, оказалось отменным.

– Всё упирается в какую-то стену! Хотелось бы понять, что или кто стоит за Джейн Рейли?

– Я не совсем уверен в ее существовании. У нее нет образа...

– Она существует, Ренат. Или существовала. Вот только где и когда?..

В рукописи жизнь дочери английского подданного и сельской учительницы складывалась почти по законам мелодрамы. Чарльз не работал, целыми днями где-то пропадал, а придя домой, срывал злость на Джейн. Она росла в страхе и ненависти к отцу. Жалость к безропотной матери с годами превратилась в негодование.

– Как можно жить с человеком, который тебя в грош не ставит?

– Если бы не он, тебя бы не удалось вылечить, – плакала мать. – Ты родилась слабенькой и болезненной. Одной мне тебя было не поднять.

– Теперь я здорова. А ты продолжаешь терпеть унижения! – возмущалась Джейн. – В конце концов, он тебя бросит.

– На мою зарплату не разгуляешься. Пока отец живет с нами, мы не бедствуем. Каким бы он ни был, не тебе его судить.

– Откуда у него деньги?

– Не наше дело! Я его об этом не спрашиваю и тебе не позволю.

Пиком семейных неурядиц стала попытка Чарльза склонить Джейн к сексу. Разразился скандал. Отец обвинял девочку во лжи, мать встала на его сторону. Джейн закрыли в чулане в наказание за гадкую выдумку. Она просидела там вечер и ночь, а на рассвете поддела гвоздем крючок на двери и сбежала.

Спустя сутки ее нашли на чужом сеновале и пригрозили отдать в интернат. Самое ужасное, что Чарльз сумел полностью подчинить себе мать девочки. Та пела под его дудку, словно крыса под дудочку крысолова. Джейн возненавидела их обоих.

Какими-то чарами британец околдовал Лизу, окутал ее паутиной лжи и фальшивых обещаний. Она стала воском, из которого он лепил, что хотел. Джейн оставалось терпеть и надеяться на чудо.

– Почему он не едет в свой Лондон? – недоумевала она. – Там же гораздо лучше, чем здесь!

– Он любит нас, – увещевала ее мать. – По-своему, но любит.

– Где его носит днями напролет? Куда он пропадает по ночам?

– Ездит по делам.

– Что у него за дела? Может, он преступник? Вор, бандит?

– Хватит! Не лезь туда, куда детям лезть не положено! Иначе...

– Иначе – что? Он прикончит меня? Шарахнет поленом по голове и зароет в лесу? А

ты сможешь ему выкопать могилу для собственной дочери?

Первый раз в жизни мама ее ударила. Со всего маху отвесила пощечину. Щека Джейн горела, но слез не было. В тот момент она приняла твердое решение уйти из дома, едва представится возможность. Уйти навсегда, забыть о родителях, которые ее предали.

Потекли дни, наполненные жгучим желанием отомстить матери и отцу, причинить им такую же боль, которую испытывает она.

Изредка Чарльз повторял попытки вступить с ней в интимные отношения. Джейн отбивалась, но помалкивала, помня предыдущий опыт. Мать поверит ему, а не ей. Девочка задерживалась в школе как можно дольше, уходила делать уроки к подруге, летом гуляла в лесу, зимой каталась на лыжах дотемна.

Чарльз не жадничал, покупал все, что просила дочь, рассчитывая завоевать ее расположение. У нее были и коньки, и велосипед, и ролики. Люди в поселке уважали учительницу и ее английского мужа, а Джейн считали трудным подростком. Ей было некому пожаловаться, негде искать сочувствия. Она с детства привыкла решать свои проблемы самостоятельно.

Однажды Джейн забрела на окраину поселка, под самый лес. Солнце село, вокруг быстро сгущался сумрак. Кусты кишели комарьем, узкая тропинка вилась между деревьев. Девочка шагала вперед, пока не уперлась в покосившийся штакетник.

В темноте она не сообразила, что остатки штакетника окружают старую избушку. Стены домика вросли в землю, а в крохотном оконце теплится огонек. Джейн испугалась. В такой избушке могла обитать только ведьма. Местные кумушки болтали про заброшенный дом, в котором водилась нечистая сила. Кажется, это он и есть.

Девочке бы бежать прочь, но любопытство возобладало над страхом. Она подкралась к оконцу и заглянула внутрь...

* * *

Деревня Трошино

Ступников разлил по бокалам коньяк и сразу выпил свою порцию. Настя медлила, любясь гранатовым цветом напитка.

– Пей, это из хозяйских запасов. Крутой бренд.

– Бушинские не заметят?

– Думаешь, они бутылки считают? Татьяна крепкого не пьет, она мартини предпочитает или белое сухое. А Бушинский водку любит. Коньяк он для гостей держит. Но гости тут бывают редко. Впрочем, как и хозяйева.

Настя попробовала коньяк и поставила бокал на стол. В беседке, где они с Аркадием ужинали, было светло. Вокруг лампы скопились ночные мотыльки и всякие насекомые.

– Что делать-то будем?

– Ты про актера? Не нравится мне все это, – вздохнул Ступников и потянулся за бутылкой.

– Может, сначала поговорим? На трезвую голову!

– На трезвую не получится. Я тебя предупреждал. А ты сделала по-своему. Выпутывайся

как знаешь.

– Ты должен мне помочь. Беспалого убили! Он путался с женой Бушинского, и в театре у него были враги. Там все друг друга подсидивают, ненавидят, кто-то кому-то завидует. Молодой красивый мужчина в кругу актрис наверняка вызывал ажиотаж. Экзальтированные творческие дамочки, от них всего можно ожидать.

– По-твоему, парня прикончила ревнивая актриса?

– Я его не убивала, – рассердилась Настя. – Чем хочешь поклянись! Он был уже мертвый, когда я пришла. Сколько можно повторять?

– Я не верю клятвам.

– Пошел ты...

Она допила коньяк и закусила горячим шашлыком.

– Вкусно?

– Во рту тает, – смягчилась гостья. – Жарить мясо ты умеешь.

Некоторое время они молча жевали. Звонок Бушинского не шел у Аркадия из головы. Настя думала о том, чем ей грозит смерть актера.

– Надеюсь, менты копать не будут. Откроют дело для проформы, потом закроют. Напишут, что потерпевший неосторожно обращался с ножом и сам зарезался. Нечаянно. Кто такой Геннадий Беспалый, чтобы искать его убийцу?

Управляющий кивнул и поделился с ней своими мыслями.

– Не нравится мне наш последний разговор с Самсоном.

– Он на тебя наехал?

– Лучше бы наехал. Я бы спал спокойнее.

Настя положила ему руку на колено и прошептала:

– Я вылечу твою бессонницу, милый...

– Самсон сказал, что его жена приедет сюда отдохнуть! Когда это она отдыхала на Клязьме? И голос у него был... не такой, как всегда.

– Татьяна едет? – всполошилась гостья.

– Ты ведешь себя как нервная барышня, – съязвил он. – Испугалась, что она нас застучает?

– Нельзя, чтобы она видела нас вместе!

– Ясный перец.

– Что ж ты молчал до сих пор?

– Не хотел портить тебе настроение. Ладно, завтра утром всё обсудим. Хорошо-то как!..

Тихо... Ни одна былинка не шелохнется...

С реки тянуло прохладой. Низкие звезды отражались в воде. Сизый дымок от потухшего мангала поднимался вверх, к деревянному потолку беседки. Пахло углями и жареным мясом. У Насти вдруг пропал аппетит.

– Она может явиться в любую минуту!

– Не паникуй. По-моему, Бушинский сам не был уверен, что его благоверная в кои-то веки зайвится в Трошино.

– Тогда зачем он звонил?

Аркадий пожал плечами. В свои сорок два он прекрасно выглядел. Крепкий, широкоплечий, загорелый, с темным ежиком волос. Загородная жизнь шла ему на пользу.

– Самсон предупредил, что занят, и отказался от рыбалки. Оставайся на выходные. Нам никто не мешает любить друг друга.

– А Татьяна? Возьмет и нагрет, как назло.

– Вряд ли.

– Мы не можем так рисковать...

– В крайнем случае, я тебя спрячу в подвале, а потом незаметно выпущу через заднюю калитку. Оттуда пойдешь через лесопосадку на трассу.

– Спасибо, успокоил.

Ступников налил себе еще коньяку и выпил.

– Не могу забыть его голос...

– Что у него с голосом? Охрип?

– Да нет вроде. Сдается мне, он про жену не зря говорил. Как будто намекал на что-то...

– Может, он тебя подозревает?

– В чем? У нас с Татьяной ничего не было. Я ей симпатизировал, но она меня бортанула.

Еще до брака с Бушинским.

– Старая любовь не проходит.

– Брось! – поморщился Аркадий, выливая в бокал остатки коньяка. – Я Татьяне не пара.

Она уже тогда распознала во мне неудачника. А всё только начиналось. Грандиозные планы, бизнес. Самсон сумел сделать рывок, ему везло. Я поставил не на ту карту и проиграл. Влез в долги, разорился. Дело житейское! Таких, как я, пруд пруди.

– Удача иногда поворачивается спиной к своему фавориту. Она женского рода. А женщины – непостоянны.

– Ты себя имеешь в виду?

– Татьяну. Она ведь променяла своего уважаемого Самсона на начинающего актера.

– Она изменяла мужу в постели, но променять его на нищего провинциала не приходило ей в голову.

– Ты так хорошо ее знаешь?

– Я разбираюсь в людях.

– Значит, ты и во мне разобрался?

– У тебя есть сомнения?

С этими словами Аркадий притянул ее к себе и поцеловал. Поцелуй длился, пока не раздался какой-то стук. Настя высвободилась, прерывисто вздохнула.

– Что это?

– Иди ко мне! – он опять потянулся к ее губам, но она резко отстранилась.

– Кажется, в калитку стучат. Ты кого-нибудь ждешь?

– Нет.

Ступников прислушался. Звонок, снабженный переговорным устройством, срабатывал в доме, а они сидят в беседке. Поэтому незваный гость воспользовался старым испытанным способом – изо всех сил колотил в калитку.

– Кого это принесло?

– Надеюсь, не Татьяну...

Москва

Лариса замолчала на самом интересном месте.

– Что Джейн увидела в домике? – не вытерпел Ренат. – Бабу-ягу, которая жарила в печи младенца?

– Хуже. По тесной комнатухе ходил из угла в угол человек со свечой в руке. Джейн с ужасом узнала в нем... своего отца!

– Какой сюрприз.

– Чарльз был одет в длинный красный балахон, но его лицо и вьющиеся волосы не позволили дочери ошибиться. Она дрожала от холода и страха. Когда над лесом взошла луна, скрипнула дверь избушки, и Джейн спряталась в кусты. На пороге показался ее отец, уже не со свечой, а с фонариком в руке. Он двинулся по тропинке, освещая себе путь. Джейн последовала за ним. Чарльз шагал быстро и уверенно. Видимо, бывал здесь не раз.

– Небось, неудобно мужику ходить в балахоне до пят?

– Балахон остался в избушке, – пояснила Лариса. – Чарльз выглядел как обычный прохожий. Джинсы, кроссовки, свитер и кепка. Он привел Джейн на улицу, откуда было рукой подать до их дома. Отец не оглядывался. Ему было некого опасаться, о слежке он не догадывался.

– Это была слежка?

– Конечно. Джейн кралась за отцом, чтобы выяснить, куда он направляется. Домой она сразу сунуться не посмела. Решила до рассвета прикорнуть в дровяном сарае. Благо тот не запирался.

– Мамаша нашей героини с ног сбилась в поисках Джейн и закатила мужу истерику, – продолжил Ренат. – Кричала, что несносная девчонка позорит семью, она опять сбежала и надо принимать меры.

Лариса с улыбкой кивнула.

– Чарльз предложил подождать до утра, – добавила она. – Может, дочка одумается и

вернется. Едва рассвело, продрогшая и голодная Джейн явилась с повинной. Она уверяла родителей, что заблудилась в лесу и с трудом вышла на околицу поселка. Весь ее вид подтверждал эти слова. Уставшая, исцарапанная, она вызвала у матери жалость и получила прощение.

– Но Чарльз что-то заподозрил. Верно?

– Он молча наблюдал за Джейн, а после завтрака отправил ее в баню. Смывать грязь, обрабатывать царапины и вынимать колючки.

– Потом мамаша ушла на работу, а папаша начал приставать к дочке...

– Только не с тем, что ты подумал. Чарльз пристал к Джейн с расспросами. Зачем она пошла в лес так поздно? Почему заблудилась? Как нашла дорогу домой?

– А дочка, не будь дура, про избушку ни гугу! Она взяла себе на заметку, где ошивается ненавистный родитель, и решила вывести его на чистую воду.

– Примерно так.

Ренат закатил глаза.

– Неужели Бушинский купился на эти бредни? Я был о нем лучшего мнения. Поразительно, как люди падки на подобную чушь!

– Знаешь, что самое удивительное? Когда я читала текст, в моем воображении возникала *несколько иная картина*. И теперь, пересказывая тебе сюжет, я продолжаю видеть не совсем то, о чем говорю.

Ренат встал с дивана и мерил шагами гостиную. Он так напряженно думал, что Лариса «слышала» его мысли. Смутные, тревожные.

– Мне вообще нечем похвастаться, – признался он. – В голове – винегрет! Ингредиентов много, и все не стыкуется. Не складываются пазлы. Я никак не возьму в толк, при чем тут литературная рефлексия какой-то дамочки?

– Бог с ней, с рефлексией, – махнула рукой Лариса. – Почему Бушинского так задела эта история, что он пришел к нам?

– Человек потерял голову от любви к женщине, которая не горит желанием встречаться с ним. Куда ему идти? К ворожеям и ясновидцам? Самсон Карлович доверяет практике и опыту. В крайнем случае, он готов довериться компьютерной модели реальности.

– Одна реальность порождает другую, человек теряет контроль над собой и перестает понимать, где он находится, что с ним происходит. История Джейн каким-то образом связана с Бушинским. Он это подсознательно чувствует, мечется, ищет ответы на вопросы, которые боится задавать.

– Мы собирались посетить редакцию его журнала, познакомиться с сотрудниками, – напомнил Ренат. – Что они думают о Джейн Рейли?

– Ничего. Автор рукописи их не интересует. Для них это просто работа.

– А для Бушинского – нечто большее. Содержание рукописи задело в нем какую-то чувствительную струнку. Он не из тех, кто быстро влюбляется, да еще заочно.

– Не из тех, – подтвердила Лариса.

– Он способен убить жену?

– Никогда нельзя знать наверняка, как поступит тот или иной человек в тех или иных обстоятельствах. Ты можешь за себя поручиться?

– Ну-у...

– Ладно, съездим в редакцию, посмотрим, кто готовил к печати «Записки» Джейн...

Как должен вести себя муж, жена которого внезапно исчезла? Бушинский обзвонил больницы, морги, и захотел выпить. Перспектива провести вечер и ночь в пустой квартире с мыслями о Татьяне и ее мертвом любовнике сводила его с ума.

– Самсон Карлович...

Он поднял глаза и увидел в дверях Алину. Девушка принесла чай и пару бутербродов с сыром. Ее юбка была неприлично короткой, а блузка неприлично прозрачной. Она смущенно застыла на пороге кабинета.

– Убери это, – нахмурился шеф и опрометчиво брякнул: – Поехали в ресторан, поедим по-человечески.

Ему хотелось забыться, отвлечься от всего, что на него свалилось в последние несколько дней. Джейн не отвечала на его послания. Такое бывало и раньше. Потом она выходила на связь, ничего не объясняя, и их общение продолжалось. Бушинского все сильнее влекло к этой загадочной женщине. Он думал, что его единственная любовь – в прошлом. Это было чувство к жене, которое со временем остыло. Существует ли в принципе долговечная страсть? Люди придумали себе романтическую сказку. Нельзя годами испытывать тот же накал эмоций, направленных на одного и того же человека. Рано или поздно влюбленными овладевает скука, и они начинают искать отраду на стороне.

Бушинский в душе был фаталистом. Его рациональный ум имел обратную сторону, свойственную любому явлению. Однобокость – скорее проблема, чем решение. Но бросаться из крайности в крайность тоже не выход. Бушинский потерял равновесие, не сумел нащупать золотую середину.

Разве желание провести вечер с секретаршей не противоречит его увлечению Джейн? Но ему необходимо ощутить под ногами надежную твердь, а не зыбкую неопределенность. Иначе он свихнется! Алина – проста и понятна. Она спит и видит обольстить босса и получить от этого дивиденды. А чего хочет Джейн?

Мысли о ней погружали Бушинского в транс. В этом хмельном блаженстве таилась порция яда, который медленно отравлял его мозг. Не только инстинкт самосохранения, но и некая доля безумия привела коммерсанта в сомнительное «Агентство». На здравую голову он бы никогда не обратился к людям, от которых попахивало авантюризмом. Лариса и Ренат не внушали ему доверия, но кому еще он мог рассказать о Джейн?

Бушинский сделал ставку на компьютерный анализ. Теперь эта парочка из агентства владеет компрометирующей информацией и может пустить ее в ход. Шантаж, вымогательство, на что еще способны скользкие типы, которые зарабатывают деньги на слабостях других?

– Самсон Карлович... светофор...

Он повернулся на голос и сообразил, что подъезжает к перекрестку. Рядом, не веря своему счастью, сидела Алина. У нее в глазах застыли ожидание и растерянность. Она не понимает, чем вызвано приглашение в ресторан, но готова на все ради своей цели.

– Красный свет! – испуганно пискнула девушка.

Бушинский резко затормозил, сзади раздался громкий сигнал клаксона. Белый «Ниссан» чуть не врезался в его «Хонду». Он выругался сквозь зубы.

– Не могла раньше сказать?

– Я думала, вы видите...

Деревня Трошино

Ступников открыл калитку и оторопел. Перед ним стояла... жена Бушинского, измученная и помятая. Словно она добиралась сюда в товарном вагоне.

– Ты?

– Что тебя удивляет? Это мой дом!.. Можно войти? Или так и будешь держать меня на улице?

Аркадий оглянулся по сторонам. Вдали клубилась пыль от легковушки, которая привезла Татьяну. Он посторонился и пропустил ее во двор. Собаки в вольере подали голос.

– Почему не позвонила? А если бы я ушел на реку рыбачить?

– Если бы да кабы... – буркнула она, шагая впереди него по дорожке, ведущей к беседке.

– Идем в дом, – предложил Ступников, теряясь в догадках, почему у нее такой затрапезный вид.

– Не хочу... Дай мне выпить!

Слава богу, Настя успела убрать со стола свою тарелку и бокал.

– Ужинаешь на воздухе? – нервно поежилась хозяйка. – Шашлыки... коньяк. Ни в чем себе не отказываешь.

Управляющий смутился. Настя забыла на столе пустую бутылку от коньяка. Проморгала! Он тоже хорош. Прежде чем бежать открывать, надо было навести тут порядок. Бушинский же предупредил!

«Я осел!» – подумал он, глядя на Татьяну. Она была сама не своя.

– Садись, составишь мне компанию...

Татьяна села за стол и положила сумочку на скамейку рядом с собой.

– Принеси мне водки, Аркадий.

– Водки?!

– Я жутко голодная, – пробормотала она, взяла шампур с мясом и принялась есть. Одолела два кусочка и поперхнулась. – Что смотришь? Водку носи!

Он молча отправился в дом за водкой. В кухне у окна стояла Настя и сквозь опущенные жалюзи смотрела в сторону беседки.

– Это Татьяна! – сообщил Ступников. – Испортила нам всю малину!

– Вижу.

– Она знает?

– Про Гену? Ты меня спрашиваешь?

– А кого мне спрашивать? – разозлился Аркадий. – Она на себя не похожа. С ней что-то творится. Приехала без звонка, требует водки!

– Может, это она Беспалого...

Управляющий покачал головой, достал из холодильника водку и посоветовал Насте спуститься в подвал.

– Посиди там, пока я освобожусь. Она напьется, уснет, и я тебя провожу до трассы.

– Ладно, иди, ублажай свою хозяйку...

– Ревнуешь?

– Делать мне нечего! Просто противно смотреть, как ты лебезишь перед ней!

– Ее муж платит мне деньги за работу, притом немалые.

– Иди, иди! Не то она рассердится и вычтет из твоей зарплаты.

– Спускайся в подвал, Настя, от греха подальше. Где лестница, знаешь?

– Найду...

– В конце коридора.

– Не заблужусь!

Он вышел и зашагал через двор к беседке. Татьяна его заждалась. Она сидела в той же позе, в какой он ее оставил: откинувшись на спинку скамьи и скрестив ноги. Лицо бледное, под глазами мешки, волосы растрепаны. Совсем на нее не похоже.

– Ты где застрял? Тебя только за смертью посылать...

– Не упоминай старуху с косой всуе. Накаркаешь.

Татьяна вздрогнула и оглянулась по сторонам.

– Она уже здесь...

– Кто? – следом за ней оглянулся Аркадий. – Кто – здесь?

– Смерть!.. Наливай.

Он плеснул водки в стакан для сока и подал хозяйке.

– И себе налей, – вздохнула она. – Одна не пью...

Ступников решил не спорить. Чем больше Татьяна выпьет, тем скорее вырубится, и он сможет проводить Настю на трассу и поймать для нее попутку.

– У тебя есть враги, Аркадий? – охмелев после изрядной порции спиртного, спросила жена Бушинского.

– Не задумывался. Наверное, у каждого есть э-э... недоброжелатели, завистники.

– Не просто завистник, а... враг, готовый лишить тебя жизни.

– Ты о чем? – осторожно осведомился управляющий.

Татьяна странно выглядела, странно себя вела, говорила странные вещи. Известно ли ей о смерти любовника? Она сорвалась из Москвы, потому что не могла там больше оставаться? Не успел Самсон позвонить, как его женушка уже тут как тут. Ступников не ожидал от нее такой прыти.

– Налей еще...

Они уже опустошили половину бутылки. Аркадий пил мало, чисто за компанию. Зато Татьяна быстро набралась и опьянела. Ее щеки порозовели, язык начал заплетаться.

– Я недавно обнаружила... что... что... за мной следят. Кто-то собирает на меня компромат... Вдруг это Бушинский?

– Самсон? Зачем ему?

– Для развода. Он мог нанять детектива... понимаешь?

Татьяну развезло, она потеряла контроль над собой. Ей хотелось поплакаться в жилетку, пожаловаться на судьбу. Она вспомнила, как трепетно Аркадий относился к ней в молодости, и сочла его надежным другом. С кем еще она могла поделиться болью и страхом? У кого ей искать поддержки?

– Самсон любит тебя...

– Л-любил! – Она икнула и кивком головы указала на бутылку. Дескать, что сидишь, наливай.

Аркадий налил ей. Она уже едва держится. Еще немного, и дозреет.

– Что значит, «любил»? – переспросил он.

– А!.. То и з-значит... Он сам по себе. Я – сама по себе... Думаю, у него д-другая женщина...

– Ну и ты не святая. Есть грешки?

– Есть, – не стала отпираться Татьяна. – П-пришло время ра... расплачиваться... Мне с-страшно!.. Кто-то хочет меня убить...

– Да ладно!

– Не веришь?.. А я... чуть не попросилась с ж-жизнью... Третьего дня кто-то пытался утопить меня в джакузи!.. Я ч-чудом отбилась... Убежала из дому, провела сутки в дешевой гостинице... У меня не было налички, чтобы заплатить за нормальный номер, а карточку я забыла в другой сумке...

– Ты шутишь?

– Ты не знаешь Самсона... Его н-никто не знает... Если он по... позвонит, не говори, что я здесь...

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Подробнее читайте об этом в романе Н. Солнцевой «Иди за мной».